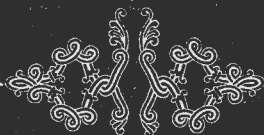
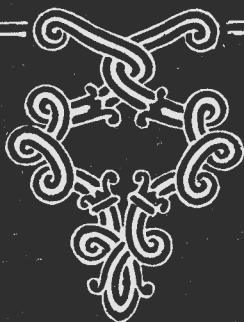

И. Г. Чавчавадзе

АРМЯНСКІЕ УЧЕНЫЕ
И
ВОПІЮЩІЕ КАМНИ

АРМЯНСКІЕ УЧЕНІЕ

и

ВОПЛОЩЕНІЕ КАЛІНИ.

„Не такъ страшусь открытаго врага, какъ врага, прикидывающагося другомъ, страшусь его ласки, его улыбки“.

Русавели.

Врядъ-ли найдется на всемъ земномъ шарѣ народность, которая была бы такъ оскорбительно унижена, обезславлена всѣми, кому только не лѣнь было это дѣлать, какъ наша. Всякій старается или перешагнуть черезъ насъ, или затоптать и сравнять съ землею. Чуть-ли не хотятъ уничтожить и воспоминаніе о насъ въ Закавказьѣ, стереть съ лица земли имя грузина и отдать на волю вѣтра. Какъ будто насъ никогда не существовало, какъ будто нѣтъ насъ и нынѣ. Нѣщіе духомъ, слабо-умные, нравственно-падшіе, глупые, необразованные, невоспитанные, разоренные въ концѣ, ненадежные, трусы—вотъ картина нравственного и физическаго на-

шего багажа! Вотъ чѣмъ мы были и что мы есть, по словамъ тѣхъ, интересы которыхъ требуютъ такого нашего безславія и униженія. Изъ кожи лѣзутъ они, чтобъ увѣрить всѣхъ и вся, дома и на сторонѣ, на словахъ и въ печати, что мы были негодными и недостойными и остались таковыми же, если только не хуже. Съ такимъ клеймомъ на челѣ они пустили имя грузина по Европѣ, куда только голосъ и перо ихъ могли имѣть доступъ. Такую же славу о насъ, грузинахъ, они пустили по Россіи. Правда, всякій, кто только изъ русскихъ или европейцевъ самолично успѣвалъ ознакомиться съ хорошими и дурными нашими сторонами, сказалъ кое-что и въ нашу пользу, — но, къ несчастью, и среди ихъ многіе сужденія свои обосновывали на вожделѣніи другихъ, плясали по чужой дудкѣ и попадали въ чужія сѣти. Богъ съ ними, съ ихъ стараніемъ обезславить насъ! Но дѣло въ томъ, что они словомъ и перомъ клянутся всему міру, будто испоконъ-вѣка по сю сторону Кавказскаго хребта, до истоковъ Тигра и Евфрата, почти отъ Чернаго и Каспійскаго морей, была такъ называемая Арменія (будто Сомхетія, т. е. страна сомеховъ-гайкановъ), и если, молъ, прозябали кое-гдѣ какіе то враци¹⁾, то занимали чуть ли не пространство въ десятокъ хлѣбовъ, и то-де по милости армякъ. Враци эти, какъ народъ, не заслуживаютъ де упоминанія, такъ какъ они находятся на пути къ уничтоженію и вырожденію, да если бы это было и такъ, то у нихъ нѣтъ настолько ума, чтобы вникнуть въ оное положеніе, Богъ не далъ имъ способности къ тор-

¹⁾ Армянское названіе грузинъ. Примеч. переводчика.

говлѣ: кромѣ-де извозничества и чалвадарства они ни на что не годны и не могутъ даже пользоваться тѣми немногими мѣстами для хлѣбовъ, которыми, сѣбно сказать, величаютъ Грузією. Да и какъ они ими могутъ пользоваться, когда на то у нихъ нѣтъ ни умѣнія, ни трудолюбія, ни образованія, ни знанія, ни желанія, ни охоты знать и поучиться—ну, хотя бы у тѣхъ же аریانъ, которые, моль, призваны Богомъ и исторіей со знаменемъ культуры въ рукахъ ожинить и осчастливить не только близкій Востокъ, но и дальнюю, дикую и невѣжественную Азію.

Не довольствуясь тѣмъ, что позорятъ наше имя лишаютъ насъ національнаго достоинства они, чтобъ окончательно сжить насъ со свѣта, упраздняютъ и всю исторію нашу, и лѣтописи, и историческіе остатки и памятники, всѣ, кровью обогрѣнныя, заслуги наши предъ христіанствомъ и все, принадлежащее намъ, наше историческое достояніе, путемъ разныхъ плутней, приписываютъ себѣ. Правда, „у лжи ноги коротки“¹⁾, и, отнимая или умаляя чужія достоинства, своихъ не приумножишь, но „рабъ своихъ вождельній тугъ на ухо и гораздъ на языкъ“, какъ говоритъ грузинская пословица.

Ради чего поднята такая туча пыли, ради чего мечутся мнимыя молніи и гремятъ громы? Ради того, чтобъ доказать міру, что въ Закавказьѣ существуетъ лишь одна армянская нація, издревле существующая, и будущее принадлежитъ скорѣе ей, такъ какъ она де исторически доказала свою моральную и физическую мощь и незыблемость и величіе ума своего.

¹⁾ Груз. пословица. *Примѣч. переводчика.*

Чьи все это продѣлки? Что это за черный воронъ кружится и каркаетъ надъ нашей головой? Мы говорили и раньше, повторяемъ и теперь: Боже насъ сохрани ставить все это въ вину всему армянскому народу, приписывать ему весь этотъ грѣхъ, въ коемъ повинна только извѣстная группа армянъ и ея книжники-грамотеи, ученые. Однако, несмотря на это, прежде, нежели мы рѣшились взять перо въ руки, долго мы задумывались объ одномъ, для насъ весьма важномъ, обстоятельстве: какъ отнесутся армяне къ этому нашему труду? Вопросъ, какъ увидимъ ниже, немаловажный.

Народъ, какъ совокупность человѣческихъ существъ, сплоченныхъ исторіею въ одно тѣло и во едину душу данной страны, долженъ быть, во всякомъ случаѣ, уважаемъ всякимъ порядочнымъ и здравомыслящимъ человѣкомъ, и оскорбленіе, униженіе его въ томъ или другомъ смыслѣ—поступокъ весьма непристойный. Каждый народъ имѣетъ свой собственный обликъ, свои стремленія, свои пожеланія, свои порывы, свои особенности. Поношеніе всего этого—грубость, не приличествующая человѣку разситуому. Мы это отлично понимаемъ, и Боже упаси разумѣть весь народъ тамъ, гдѣ виновна лишь его извѣстная группа. Между тѣмъ, какъ разъ на этой почвѣ и предвидится нападеніе на насъ. Съ этой то стороны ожидается то облако пыли, тотъ вихрь, который не преминуть поднять, чтобы заставить закрыть глаза. Богъ знаетъ, въ какой забьетъ набатъ, какую подыметъ тревогу по поводу этихъ очерковъ группа людей, которую мы имѣемъ въ виду и у которой вошло въ привычку къ сказанному исключительно

о ней пристегивать всѣхъ армянъ. Умисель здѣсь ясенъ. Борьба въ защиту народа, по справедливости, достойна уваженія, и совершенно основательно. Это хорошо понимаютъ наши друзья-пріятели и прекрасно знаютъ, что подъ знаменемъ защиты народа, они привлекутъ всеобщее расположеніе и, половина побѣды у нихъ заранѣе будетъ въ рукахъ: „уловка лучше силы“. („Երկու Եղևոսն զԵրկուսն, որ չէր ձեռնաբռնել“)^{*)}. Разъ они возьмутся за такую хитроумную тактику, намъ легко будетъ обвинить обличителей въ недостойномъ желаніи поселить раздоръ между двумя народностями. Расчетъ вѣренъ. Они направленную въ ихъ стрѣлу вонзаютъ въ сердце народа, съ цѣлью озлобить его, и этимъ ловкимъ пріемомъ прикрываютъ себя, какъ надежнымъ щитоимъ, зажимаютъ ротъ обличителю ея грѣховъ. Армянскій народъ тутъ не при чемъ; онъ какъ народъ мирный, трудолюбивый, занимается своимъ дѣломъ—будь оно торговля или земледѣліе,—онъ и не задается подобными вопросами, а потоку ему и не приходится быть отвѣтственнымъ за грѣхи своихъ непрошенныхъ защитниковъ, кружащихся вокругъ него, какъ мошки вокругъ дуба. Народъ вообще отлично понимаетъ, что истинное достоинство не нуждается въ трубахъ и литаврахъ, отлично знаетъ, что шумъ и гамъ прошенныхъ крикуновъ не создаютъ славы о доблестяхъ его и не могутъ породить доблестей тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Истинная доблесть, по природѣ своей, скромна и не болтлива.

^{*)} Груа послов., гласящая буквально слѣдующее: „Доблесть, находчивость лучше физической силы, если только чело-
вѣкъ умѣетъ или пользоваться“. *Примеч. персе.*

и чѣмъ она молчаливѣе и скромнѣе, тѣмъ она величавѣе и обязательнѣе. Чтобы понять это благородное свойство доблести, не нужно быть ученымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ: для этого достаточно имѣть здравый умъ и искреннее, непорочное сердце даже простолюдина. „Не говори, что ты хорошъ, не хвали самого себя“, или „храбреца украшаетъ скромность, не стоитъ соломенки хвостунъ“. ^{*)} Развѣ не простолюдиномъ сказаны эти слова?!

Къ несчастью, до этой мудрости еще не дошли армянскіе ученые, трубящіе на всѣхъ перекресткахъ о славѣ и величїи ихъ народа и при всякомъ случаѣ унижающіе и стирающіе съ лица земли грузинъ.

Мы ничего не имѣемъ противъ прославленія и возвеличенія армянъ. Въ подобныхъ случаяхъ даже пересоль является не чѣмъ инымъ, какъ лишь щедростью, отъ которой никому ни больно и ни обидно, ни тепло и ни холодно. Мы не завидуемъ никакимъ добродѣтелямъ и доблестямъ армянъ, — напротивъ, достоинства эти и для насъ самихъ желательны. Они составляютъ предметъ соревнованія, но вовсе не зависти. Зависть злится и терзается чужими достоинствами, чужими успѣхами, соревнованіе же — благородное чувство: оно стремится достигъ доблестей и добродѣтелей другого. Зависть не переноситъ чужого достоинства, соревнованіе же, напротивъ, не нарадуется на него. Зависть враждуетъ съ достоинствомъ, соревнованіе же дружитъ, лелѣетъ.

Въ виду этого мы не будемъ вдаваться въ оцѣнку данныхъ о славѣ и величїи армянъ, если бы даже

^{*)} Грузин. народ. пословица. *Примѣн. перев.*

они были дутыми или оказались сплошнымъ бахвальствомъ. Если есть чѣмъ ихъ кичиться, то да сохранитъ имъ это Господь Богъ, а если они лишены этого, то пусть оно дастся имъ. Мы огорчаемся только тѣмъ, что самовосхваляющая группа арянъ, отрицающая наше, грузинскъ, духовное и физическое существованіе, указываетъ намъ лишь разверзтую предъ нами могилу, какъ будто нашими небытіемъ создается ихъ существованіе.

Пора сорвать маску съ этой группы арянъ, мудрецы которой задаютъ намъ, грузинамъ, отъ малца до велика, безъ исключенія, такого трезвону. Пора взглянуть на нихъ прямо, безъ прикрасъ. Пора намъ узнать, — откуда каркаетъ надъ нами черный воронъ, откуда идетъ этотъ каменный градъ, бьющій насъ! Пора намъ опомниться и не праздновать труса предъ этими лже-либералами, предъ этими арлекинами истиннаго либерализма, затыкающими намъ ротъ съ цѣлю скрыть подъ священнымъ плащомъ народолобія свое фиглярство, двуличіе, безсердечіе. Не обнаруживайте-де нашихъ продѣлокъ, а то мы обвинимъ васъ въ возбужденіи національной вражды, причислимъ васъ къ лагерю ретроградовъ, а возбужденіе національной вражды въ концѣ XIX в., стѣяніе клеветъ среди націи означаютъ неразвитость ума, мракобѣсіе, поруганіе либерализма. Только малютокъ можно запугать этими воображаемыми громами и молніями лже-либерализма и тѣхъ, которые привыкли вѣрить только словамъ, не считаясь съ ихъ смысломъ. Развѣ либерализмъ состоитъ въ скриваніи истины, въ замазываніи всевозможныхъ продѣлокъ, фиглярства, подлогсъ, въ обманѣхъ и всякой другой безнравственности, а не

въ разоблаченіи всего этого?! Если не разоблачать и не распинать всего, достойнаго порицаніи, то на что онъ годенъ, нами хваленый развѣя-либерализмъ?! Развѣ гласность и выносъ на свѣтъ божиіи всякаго тайнаго и явнаго зла, не стѣсняясь тѣмъ, что они могутъ вызвать недовольство, не священнѣйшее-ли и цѣлѣйшее достоинствѣ истиннаго либерализма, пріобрѣтеннаго человѣчествомъ цѣною большихъ жертвъ, а иногда и пролитой крови?

. . . Кому, какъ не аже-либералу, избредеть на умъ, изъ страха обидѣть кого либо, зажать ротъ обличителю зла? Справедливое и основанное на данныхъ обличеніе, хотя бы и цѣлаго народа, примется съ благодарностью, а не съ негодованіемъ и враждою. Истинный либерализмъ состоитъ въ томъ, чтобы не позволить никому попираить правду, обличать злодѣя въ злодѣйствѣ, не оставлять безъ заслуженнаго приговора злыхъ дѣяній, а если необходимо, и подвергать строгому взысканію. „Примѣромъ портится міръ“. Неосужденное зло есть сѣть соблазна, въ которую легко запутаться слабохарактерному человѣку, и „безстыдника если не пристыдить, то это послужитъ примѣромъ и стыдливому стать безстыднымъ“¹⁾.

Если предвидѣніемъ грядущихъ смуть пугаютъ насъ и во имя либерализма накладываютъ на уста наши печать молчанія и если неумѣстная ссылка на либерализмъ не есть простая уловка, чтобы завлечь и запугать недорослей, то почему во имя этого же либерализма они не зажимаютъ рта той группѣ армягъ, ученые грамотеи книжнички которой, кстати и

¹⁾ (Слова Давида Гурашова: „*չեղծեցողուն ողորմեցեալն, ինչպէս ինչպէս ինչպէս ինչպէս*“. *Примеч. переводника.*

некстати, на весь міръ обдають грязью всю грузинскую націю, — да, всю націю — и копають ей могилу, какъ мы уже говорили? Ну, заикнулся ли хотя одинъ изъ этихъ лже-либераловъ и сказать: „Что вы за чухъ порете, господа! если только у насъ есть какое либо собственное достоинство, собственная отчизна, то и говорите объ этомъ! А то чего пристаи вы ко всей грузинской нации, зачѣмъ безславите ее и присваиваете себѣ непринядающее вамъ? Развѣ двери рая отверзятся для насъ изъ за того, что мы будемъ поносить грузинскую націю и губить ее? Развѣ не видите, что правды скрыть нельзя и что рано или поздно она всплываетъ? Однако же никто объ этомъ не молвилъ ни слова и не выколвитъ его, потому что они двуличны и пристрастны. Для всего этого нужны: чистосердечіе, любовь къ правдѣ, великодушіе, а на нынѣшнемъ рынкѣ ни то, ни другое, ни третье не имѣють спроса.

По мнѣнію ихъ, мы должны кланяться въ поясъ, когда поносятъ всю нашу націю, а они возмущаться, когда мы защищаемся и обнаруживаемъ шашни извѣстной лишь группы нашихъ поносителей, не касаясь ни словомъ нации. Вы-де о нашей, даже отдѣльной, группѣ не смѣете говорить и слова правды, изъ опасенія огорчить насъ, вызвать недовольство наше, намъ же нѣтъ, моль, дѣла до вашихъ чувствъ, если даже оскорбимъ всю вашу націю и прибѣгнемъ ко лжи, чтобы замятать васъ. Что это за справедливость, что это за либерализмъ?! Это фарисейство, нагое надувательство, пресмыкательство, прятки, украваніе головы въ норѣ и оставленіе хвоста

внѣ ея, но никакъ не либерализмъ. „Между честными врагами посредницею бываетъ совѣсть“^{*)}).

Пусть эти пустомели—группа лже-либераловъ, ватыкающая глотку дѣтямъ, застрашиваютъ ихъ: Чуръ, молъ! Низвука, ни слова въ обличеніе наше, не то окрестимъ васъ именемъ ретрограда! Но человѣка съ умомъ они не могутъ лишить честной способности постоять за правду и обличить ложь, когда того потребуютъ умышленно оскорбленные и поруганныя чувства человѣка и народное достоинство. Тутъ нужны честная стойкость лицомъ къ лицу, открытое обличеніе, а не бѣгство, не отступленіе, подобно жалкому трусу. Въ сущности иѣриломъ чедовѣческаго достоинства служатъ ни либерализмъ, ни ретроградство, ни что либо подобное, а то: правъ или неправъ человекъ? Если нынѣшней молодежи сказать, что образъ мыслей ея не либераленъ, то она поблѣднѣетъ со страха, и какъ бы права она ни была, а проглотитъ языкъ: что за напасть, оказывается, случилась со мною,—подумаетъ про себя. Теперь никому нѣтъ дѣла,—цѣнна сама по себѣ истина и ни нѣтъ, и съ этой точки зрѣнія никто не входитъ въ обсужденіе высказанной мысли. Повторяемъ, дѣло въ томъ, чтобъ обличеніе зла было основательное, доказанное, а не вымышленное, и пусть никто не страшится вызвать этимъ чье-либо недовольство, огорченіе, неприязнь. Развѣ мы не знаемъ, что творящему злу не по душѣ обличеніе,—но развѣ это уважительная причина закрывать глаза, затыкать уши и налагать на уста мол-

^{*)} Афоризмъ Кн. Илья Чавчавадзе: პეტრობანო მტერთა შორის ნადუბიო პოტიკული. *Примеч. перев.*

чаніе, когда это зло обрушивается всею своею тяжестью, на насъ вопіеть, къ стыду нашему, на весь міръ о нашемъ якобы ничтожествѣ?! Почему мы должны молчать? Неужели потому, что сказанное нами вызоветъ недовольство армянъ, а возбужденіе вражды недостойно въ наше время?! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, мы должны пугаться этихъ басенъ и не заикнуться въ защиту и охрану своей собственной личности?!

„Намъ, молъ, и щелчокъ оскорбителенъ, а вы не смѣйте обижаться, когда мы дубиною огрѣваемъ“. Что мы за пасынки міра сего, что они дерзаютъ забавлять насъ побасенками! Какая рѣчь можетъ быть о либерализмѣ и ретроградствѣ, когда такъ унижаютъ и вырываютъ съ корнемъ нашу самоличность, все наше существованіе?! Только презрѣнному трусу на руку эти побасенки, только трусъ безмолвно лижетъ чужой плевокъ, перенося, молча, ругань, дабы молчаніе его не сочи за трусость. До этого, слава Богу, мы еще не дошли: мы еще настолько сохранили въ себѣ чувство собственного достоинства, настолько еще сильно бьется у насъ сердце, чтобы защитить и охранить себя и никому не позволять попирать и оскорблять ния грузина.

II.

Продѣлки армянскихъ ученыхъ гримотеевъ и ихъ клеветовъ—уже старая пѣсня: съ того времени прошло, по крайней мѣрѣ, цѣлыхъ 60 лѣтъ, есля не болѣе. Говоримъ, цѣлыхъ 60 лѣтъ, а это не такой короткій періодъ времени, чтобы съ нимъ не считаться. Вотъ уже цѣлыхъ 60 лѣтъ, какъ одни и тѣ же громы и молніи мечутся, одиѣ и тѣ же тенденціи за-

трогиваютъ нашу самоличность, и съ каждымъ днемъ съ большею и большею дерзостью, смѣлостью, нахальствомъ сдираютъ съ насъ шкуру и грозятъ потопомъ. Въ продолженіе всего этого довольно долгаго періода времени дѣйствуетъ все одинъ и тотъ же за-вѣтъ, — систематически, неуклонно, твердо, хитро и съ удивительною настойчивостью протянута одна и та же нить, нельзя сказать, чтобъ особенно искусно, но съ большимъ лукавствомъ, съ большимъ лицемѣріемъ. При этомъ удивительнѣе всего еще то, что весь этотъ шестидесятилѣтній періодъ начинается русскимъ писателемъ и русскимъ же писателемъ заканчивается. Между ними цѣлый рядъ армянскихъ грамотеевъ-писателей, такъ что если протянуть одну нить отъ начала до конца, то она коснется всѣхъ лицъ — до такой степени они дружно проповѣдываютъ одни и тѣ же, намѣренно нанизанныя мнѣнія, какъ будто они составляютъ одну душу и одно тѣло и вылиты въ одну форму.

Русскій писатель Сенковскій, извѣстный подъ псевдонимомъ барона Брамбеуса, еще въ 1838 году ¹⁾ писалъ: „до Вахтанга VI грузины не имѣли лѣтописи, сами грузины даже не существовали до XII ст. послѣ Р. Хр. подъ именемъ иверовъ извѣстны были разныя горскія племена; вся страна зр. Курюю, гдѣ въ настоящее время Тифлисъ, и большая часть Грузіи испоконъ вѣка принадлежала армянамъ, и здѣсь обитали армяне, мидяне, массагеты, или турки, и нѣсколько колѣнъ албанцевъ“. Кому при-

¹⁾ „Библиотека для чтенія“ 1838 г., стр. 151—178
Письма: „Нѣкоторыя сомнѣнія касательно исторіи Грузіи“.

писать составленіе такой ложной, искаженной исторіи и географіи? Нѣтъ сомнѣнія, что она писана Сенковскимъ, но неужели можно сомнѣваться, что Сенковскій не былъ кѣмъ то введенъ въ заблужденіе и что онъ, какъ эхо, повторялъ слышанное? Вѣдь ясно, что подобной лжи онъ нигдѣ не могъ вычитатъ, такъ какъ на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ лѣтописей, въ которыхъ можно было бы найти указаній въ этомъ смыслѣ, и лжи этой даже въ преданіяхъ онъ не нашелъ бы. Кому нужно было распространить по міру вѣсть, что грузинъ до XII-в. даже не существовало, что въ Грузіи не было грузинъ и что здѣсь обитали армяне и другія народности, или что большая часть Грузіи виѣстѣ съ Тифлисомъ испоконъ вѣка принадлежала армянамъ! Ложь, и притомъ такая нежданно негаданная, безъ задней мысли и безъ расчета, не появляется.

Отъ дня присоединенія Грузіи къ Россіи до того дня, когда Сенковскій состряпалъ такую ложь, не прошло даже 37 лѣтъ, и неужели въ продолженіе этого сравнительно короткаго времени исторія облеклась въ такой иракъ, что никто уже не помнилъ, какая страна присоединилась къ Россіи—Грузія или Арменія, или чьей резиденщею и столицею былъ Тифлисъ. Самъ Сенковскій былъ профессоромъ восточныхъ языковъ, русскимъ писателемъ, журналистомъ, и неужели можно допустить, чтобы онъ доподлинно не зналъ о случившемся такъ недавно, чуть не въ его памяти! Неужели можно повѣрить, чтобы Сенковскій не слышалъ даже о такомъ для Россіи исторически важномъ событіи! Неужели до слуха его не дошло, чью страну и отъ кого приняла Россія подъ

свое покровительство! Если это такъ, кто-же и что заставили состряпать такую непостижимую исторію и географію, о которыхъ мы упомянули выше? Ясно, что тутъ дѣйствовали не любовь и страсть къ научному изслѣдованію, ибо тутъ явная ложь, и любящій науку не поддастся страсти ко лжи, не позволитъ себѣ увлечься ею. Ясно, что эту странную загадку нельзя объяснить и жаждою ученаго изслѣдованія, такъ какъ подобная исторія, подобная географія — не изслѣдованіе, а явный вымыселъ, ибо изслѣдователь не могъ бы найти никакихъ къ тому данныхъ. Ясно, что ни грузинъ, ни русскій не подвели бы его такъ. Какой расчетъ для русскаго распустить слухъ, что страна, принятая отъ грузинъ, принадлежала не грузинамъ, а армянамъ... Такъ кому же былъ расчетъ такъ поступить? Всякому извѣстно, каковъ былъ блаженной памяти Сенковскій. Для того же, чтобы найти скрытый источникъ этой преднамѣренно придуманной исторіи и узнать по чьей хитрости мечутся эти стрѣлы, нужно поискать, въ чьихъ рукахъ найдется лукъ. Съ тѣхъ поръ по настоящее время армянскіе ученые употребляютъ всѣ усилія и всячески стараются показать міру изъ всего Закавказья Грузію съ наилучшей стороны, чтобы какъ можно больше отъ нея урѣзать и присвоить себѣ, насколько возможно уничтожить прош. и осквернить даже и настоящее ея.

Напр., извѣстно всѣмъ, что Чорохскій бассейнъ съ давнихъ временъ составлялъ часть верхней Карталиніи, что впоследствии составляло Самцхэ-Сабтабаго,

армянскіе же писатели — Экинъ, *) Худабашевъ, *) Ерицовъ **) оспариваютъ у насъ именно эти мѣста, утверждая, что верховья Куры и весь Чорохскій бассейнъ входили въ составъ Великой Арменіи. Лишь одну пядь земли оставляютъ они за нами. Спасибо имъ и за эту милость! Но какъ сочтутся они съ тѣмъ фактомъ, что оспариваемыя ими у насъ мѣста задолго до Рожд. Хр. по настоящее время сохранили грузинскія названія, напр.: въ Чорохскомъ бассейнѣ — Кларджети, Лиганисъ-хеви, Таосъ-кари, Шаншети, Аджара, а въ верховьяхъ Куры — Кола, Артаани, Эрушети, Самцхэ и Джавахети. Въ этихъ мѣстахъ грузины, начиная съ VII и VIII ст. до XIV в., строили храмы, монастыри, существующіе и „нынѣ, напр. въ Колахъ — Дадешскій, въ Артаани — Накалкевскій, въ Самцхэ — Ацкурскій, Зарзскій, Сафарскій, въ Джавахети — Цкаротавскій, въ Шавшетіи — Тбетскій, въ Кларджети — Хахульскій, въ Аджаріи — Схлѣтскій и много другихъ.

Допустимъ, что эти ясныя и несомнѣнныя сказанія, наименованія мѣстностей, надписи на монастыряхъ, храмахъ, эти дѣйствительно прямыя и неопровержимыя свидѣтельства нужно снять со „счетовъ“; допустимъ, что на все это не слѣдуетъ ссылаться. Но какой отвѣтъ дадутъ европейскому ученому Сень-Мартену, тому Сень-Мартену, который извѣстенъ болѣе какъ сторонникъ армянъ, нежели грузинъ, и ко-

*) См. его же: „Исторія Моисея Хоренскаго“ 1858 г. стр. 340—344.

**) См. его же: „Обозр. Арменія“, 1839 г., стр. 21—27.

**) См. „Кавказ. Старина“ 1872 г., № 1, стр. 20.

того такъ часто цитируютъ армянскіе книжники, — когда только желаютъ заручиться его свидѣтельствомъ для поношенія грузинъ. Даже и этотъ сторонникъ армянъ, въ этомъ случаѣ, обвиняетъ армянскихъ книжниковъ, говоря, что хребетъ горъ, служащій водораздѣломъ Чороха, Куры, Евфрата и Аракса, былъ постоянной границей Грузіи и Арменіи. Такимъ образомъ, онъ совсѣмъ лишаетъ ихъ верховьствъ Куры и Чорохскаго бассейна.

Несмотря на все это, армянскіе историки все жетянутъ свою канитель и селятся тамъ, гдѣ никогда не жили. Развѣ не ясно, что этою поверхностною ученостью они желаютъ убѣдить міръ, будто за ними историческое право занять эти мѣста... Мы не затѣмъ завели объ этомъ рѣчь, чтобы считать свое мнѣніе по этому предмету неоспоримымъ. Быть можетъ, сны армянскихъ ученыхъ были снами на яву, и, быть можетъ, тѣ страны дѣйствительно принадлежали имъ. Мы только хотѣли указать, какъ ловко и хитро армянскіе книжники ведутъ линію, чтобы проводить свое. Въ такихъ случаяхъ они ничѣмъ не брезгаютъ, приписывая все себѣ и скрывая чужое

Если перечитать всѣхъ этихъ Эридовыхъ, Худабашевыхъ, Уминовъ и имъ подобныхъ, то вы увидите, что свои мнѣнія и изслѣдованія они цѣнятъ на вѣсъ золота, а чужимъ, если они имъ не на руку, — грошъ цѣнтъ.

Та группа армянъ запѣвцами которой являются итѣ, армянъ, книжники, не довольствуется этими подтасовками, для нея мало скрывать чужую правду, а о своей жи, какъ о правдѣ, трубить. Она отлично понимаетъ, что факта, какъ его ни замалчивай, нельзя

скрыть: онъ рано-ли, поздно-ли скажется. Весь вопросъ—уничтожить фактъ: или стереть, или выскоблить историческую надпись, или же переиначить ее въ свою пользу.

Что армянскіе книжники-грамотеи упражняются и повинны въ такихъ продѣлкахъ, тоже ясно. А такъ какъ наступить время, когда историческіе остатки и памятники заговорятъ о томъ,—кто занималъ и кто нынѣ занимаетъ данныя мѣста, и такъ какъ камни, многочисленныя постройки, монастыри, храмы вопіютъ, что съ самыхъ древнихъ временъ на этихъ мѣстахъ обитали грузины,—то, что и говорить, является необходимость зажать ротъ этимъ правдивымъ свидѣтелямъ грузинъ, не дать имъ возможности произнудь слово. Съ этой цѣлью они выкинули достойное похвалы колѣно: взяли и, гдѣ только смогли и сумѣли, уничтожили всякій слѣдъ.

Продѣлка не особенно головоломная, лишь бы была на то охота и податливая совѣсть. Нынѣ времена такія, когда для достиженія своей цѣли ни предъ какими средствами не останавливаются,—будетъ ли это достигнуто путемъ обмана, фальсификаціи, подлоговъ—безразлично. Достиженіе цѣли подобнымъ путемъ считается нынѣ мѣриломъ ума. Мы имѣемъ немало примѣровъ, что армяне силились стирать и уничтожать слѣды грузинскаго происхожденія на грузинскихъ храмахъ и монастыряхъ, соскабливать или стирать съ камней грузинскія надписи, вынимать самые камни изъ построекъ и вставлять взамѣнъ ихъ другіе съ армянскими надписями, о чемъ даже писалось и въ русскихъ, и въ грузинскихъ газетахъ. Между прочимъ, покойный Д. Бакрадзе рассказываетъ объ одномъ

случаѣ, указывающемъ намъ на такую милую способность этой группы армянъ. Въ Артвинѣ существуетъ весьма старая церковь. Тамошніе армяне возмѣли желаніе наготовѣ присвоить себѣ этотъ храмъ¹¹⁾. Но мѣстные греки начали оспаривать его у нихъ на томъ основаніи, что такъ какъ онъ съ давнихъ временъ принадлежалъ грузинамъ, то, слѣдовательно, мы, молъ, какъ православные, имѣемъ преимущество предъ вами. Въ немъ былъ вѣданъ камень съ грузинской надписью, а такъ какъ эта надпись служила доказательствомъ принадлежности храма грузинамъ, то армяне изволили благоразумно, припрятать¹²⁾ этотъ камень.

Такимъ образомъ, вырвавъ эту церковь изъ рукъ православныхъ, — армяне присвоили ее себѣ. Развѣ подобная продѣлка простолюдину-армянину придетъ въ голову?! Даже если бы это и было дѣло рукъ простого армянина, то мысль, въ подобныхъ случаяхъ, очевидно, внушена ему грамотеями и учеными. Поэтому мы имѣемъ основаніе приписывать эту и подобныя продѣлки только этой группѣ армянъ, но отнюдь не цѣлому народу.

Ниже приведемъ примѣры того, что армянскіе книжники подобными продѣлками не стѣсняются, что стирать, опорочивать или передѣлывать документы ихъ ремесло. Пока же мы скажемъ, что они не довольствуются искорененіемъ такимъ способомъ имени грузина въ Закавказьѣ и передѣлкою грузинскихъ историческихъ памятниковъ на армянскіе. Кромя храмовъ, монастырей и камней въ Закавказьѣ есть

¹¹⁾ См. Д. Бакрадзе: „Археологическое путешествіе по Гуріи и Абхазіи“, стр. 41.

и другіе свидѣтели, говорящіе о грузинахъ. Такими свидѣтелями служатъ лѣтописи и хроники, изслѣдованныя учеными и, какъ историческія данныя, стоящія на стражѣ, въ случаѣ, если армяне будутъ пытаться выводить своихъ цыпята въ орлиныхъ гнѣздахъ. Армянскіе книжники отлично понимаютъ, что если только эти данныя не будутъ уничтожены, они ничего особеннаго не смогутъ присвоить себѣ въ Грузіи. Потому они и подступили къ намъ съ этой именно стороны. Ихъ покойный профессоръ Паткановъ ¹²⁾ выступилъ противъ насъ съ цѣлымъ арсеналомъ учености и чуть было не выколотилъ изъ насъ всю душу. Началъ онъ съ того, что упразднилъ нашу „Картлисъ-Цховреба“ („Большая хроника жизни грузинъ“). Она состряпана, молъ, при Вахтангѣ VI, и нѣтъ никакихъ свѣдѣній о существованіи „Картлисъ-Цховреба“ до него. Извѣстно-де единственное въ этомъ родѣ произведеніе, называемое „армянская хроника“, и если существуютъ какіе либо матеріалы для исторіи Грузіи, то развѣ только тамъ можно ихъ найти. Правда, молъ, что хроника эта переведена съ грузинскаго, но навѣрное подлинникъ сочиненъ или составленъ не свѣдущимъ и невѣжественнымъ армяниномъ въ XIII в., когда грузины почувствовали необходимость исторіи. Изволите-ли видѣть, гдѣ сказался Сенковскій и гдѣ просочилась знакомая намъ тенденція! Значитъ, по мнѣнію Патканова, грузины до XII ст. были настолько невѣжественны, что не только не имѣли исторіи, но даже и не ощущали въ ней потребности, — и здѣсь

¹²⁾ См. Д. Бакрадзе: „Профессоръ Паткановъ и грузинскіе историческіе источники“.

опять выручилъ армянинъ, да притомъ неслѣдушій и невѣжественный! Насколько же невѣжественны и неслѣдуши должны были быть мы, грузины, что неслѣдушій и невѣжественный армянинъ сознавалъ потребность исторіи для насъ, у насъ же на это нехитало даже и соинаніи! О, жалкіе грузины! Вѣчная память паткамошскому невѣжественному и необразованному армянину, оказавшему милость и явившемуся къ намъ на помощь!

Такъ онъ честитъ насъ, стираетъ съ лица земли насъ, грузинъ, — да грузинъ какихъ временъ? Двѣнадцатаго вѣка, вѣка Тамары, вѣка разивѣта Грузіи! И кто же? Профессоръ и представитель науки! Правда, онъ армянскій профессоръ, армянскій ученый, но неужели потому только, что онъ армянинъ, онъ не долженъ ни говорить, ни видѣть правды! Для чего же онъ умышленно жиуритъ глаза и не видитъ грузинъ XII и XI вв., т. е. того народа, цвѣтущее положеніе котораго еще въ началѣ перваго вѣка рисуетъ намъ Страбонъ, того народа, который съ давнихъ временъ устѣлъ свою страну храмами и монастырями шраазительной архитектуры, того народа, который илюдирилъ какъ Грузію, такъ и Грецію, и Палестину грузинскими сокровищами и манускриптами, того народа, который перевелъ составленную на пехлевискомъ языкѣ санскритскую повѣсть „Киллила и Мана“ и „Висъ-Раміани“ и создалъ величайшую поэму „Вепхидисъ Ткаосани“ („Барсову кожу“), не говоря уже ни о чемъ другомъ. Кто только намѣренно не желаетъ закрывать глаза, кто сколько нибудь способенъ понимать суть прочитаннаго, развѣ осмѣлится сказать, что народъ, создавшій „Вепхидисъ-Ткаосани“, былъ настолько дикъ

и грубъ, что лишены были способности считать необходимость исторіи! Кому взбредеть на голову высказать такую мысль, какъ не армянскимъ философамъ и профессорамъ! Грузинская пословица — „о чемъ думала лиса на яву, то ей и снилось“ (მელის რაც აგონდებოდა, ის ესიძმებოდა), какъ разъ применима къ грамотеямъ—армянскимъ ученымъ. Дай Богъ имъ благополучія! Мы же скажемъ: „сѣятелю несесть не сжать пшеницы острымъ серпомъ“ (სევაობის მოსეველი ვერ მოჰკის იქვსის ბასრის კელითა¹³⁾). Положимъ, Паткановъ, какъ подобаетъ армянскому ученому, не изволилъ снизойти до прочтенія „Вепхвись-Ткаосани“, такъ какъ она—произведеніе грузина и притомъ такое, которое внушаетъ намъ, что „истинное правосудіе оживляетъ и сухое дерево“¹⁴⁾. Подобная пословица не по вкусу лже-говорунамъ. Профессору же Патканову надо-ли было знать подобныя побасенки! Простимъ этому ученому профессору такое незнаніе и незнакомство съ „Вепхвись-Ткаосани“. Спросимъ только: какъ онъ рѣшается сказать, что „вѣща „Картлисъ-Цховреба“ ни къ чему не годна“, когда компетентные въ этомъ извѣстные ученые Жанъ Сень-Мартенъ, Вивіенъ-Де-Сень-Мартенъ, Дюбуа де Монпере¹⁵⁾ ясно и отчетливо говорятъ, что грузинскія историческія сказанія заслуживаютъ вниманія какъ источники не только для исторіи Кавказа, но и Азіи. При этомъ

¹³⁾ Грузинская пословица.

¹⁴⁾ Слова Шота Руставели „ქვე მართლისა ხედაბოლისა ხცხე შეიქმნს ბეკისა ხედობა“. *Примѣны перев.*

¹⁵⁾ S. Mart. „*Mém. sur l'Arm.*“ II, p 140. W. S. Mart. „*Recherches sur les populat. de Caucase,*“ p 74—79, *Diction de Montp.* „*Voyage autour de Caucase,*“ 62—67.

Дюбуа упоминаетъ о грузинахъ, какъ о древнѣйшей наци, которая съ незапамятныхъ временъ была стражей Закавказья и имѣла сношеніе со всѣми извѣстными тогда народностями.

Ученый армянинъ и нигъ не вѣрять, мнѣніе ихъ игнорируетъ и продолжаетъ галдѣть по своему. Вѣдь мы же сказали: „Мечта Али— это слово“ (აღიანის მადრი— ფიქსია) ¹⁰⁾. Въ подтвержденіе словъ своихъ онъ приводитъ свидѣтельства Сенковскаго, Коха, Ланглуа. Насколько авторитетны, компетентны въ подобномъ дѣлѣ Сенковскій и Кохъ, изъ коихъ послѣдній извѣстенъ какъ ботаникъ, но никакъ не историкъ, предоставимъ на судъ правдолюбиваго Патканова. Ланглуа же— достойный уваженія ученый. Замиѣчательно же въ данномъ случаѣ,— что, впрочемъ, неудивительно со стороны ученаго армянскаго грамотея,— слѣдующее: оказывается, что и Ланглуа того же мнѣнія о нашей „Картлисъ-Цховреба“, какого Сенъ-Мартенъ и другіе ¹¹⁾. Правдолюбивый же Паткановъ сказаніе его перекроилъ на свой вкусъ, по своему желанію. По мнѣнію Ланглуа, совершенно справедливому, начало „Картлисъ-Цховреба“ сказочное, мифологическое. Эти Картлосы, Кахосы и всѣ имъ подобныя, понятная вещь, должны быть отнесены къ области мифовъ,— а у какого народа на земномъ шарѣ исторія не начинается мифами?! Вотъ что говоритъ Ланглуа, а не то, чего Паткановъ жаждетъ! Со стороны

¹⁰⁾ Груз. пословица, соответствующая русской: „у голодной кушъ хлѣбъ ва уиѣ“. *Примеч. переводника.*

¹¹⁾ *Langlois*: „Essai de classification de suites monétaires de la Georgie“ 1860, стр. 3—10.

покойнаго это не первый и не послѣдній примѣръ фальсификаци. Мы еще и дальше увидимъ это, а пока скажемъ, что съ такой же безцеремонностью онъ обращается съ Стефанозомъ Орбеліани. Въ одномъ своемъ примѣчаніи этотъ чистосердечный армянскій профессоръ доказываетъ, что „грузинская литература бѣдна старыми источниками“ и что самъ Стефанозъ будто-бы жалуется на этотъ пробѣлъ XIII в. На дѣлѣ же оказывается, что Стефанозъ жалуется не на то, что грузинскіе источники вообще бѣдны, а на то, что „Картлис-Цховреба“ мало даетъ свѣдѣній о фамиліи Орбеліани, что-де „мы, пересмотрѣли разбросанные по разнымъ мѣстамъ и сохранившіеся документы и лишь вотъ это немного нашли“. Очевидно, Стефанозъ жалуется не на скудость всѣхъ вообще грузинскихъ источниковъ, а на то, что въ грузинскихъ лѣтописяхъ о фамиліи Орбеліани не нѣтъ полныхъ свѣдѣній. Стефанозъ — біографъ фамиліи Орбеліани, и ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ жалуется на наши источники именно въ этомъ отношеніи. Напротивъ, Стефанозъ очень часто упоминаетъ о грузинскихъ историческихъ сборникахъ и царскихъ архивахъ. Такимъ образомъ, ученый армянинъ Паткановъ мнѣніе Стефаноза обобщилъ, перенесъ по своему и недостатокъ, касающійся частнаго случая, перенесъ на всѣ наши историческіе источники. У кого же есть желаніе еще болѣе убѣдиться, на какія продѣлки способенъ Паткановъ, пусть прочтаетъ соч. Д. Бакрадзе: „Профессоръ Паткановъ и грузинскіе источники“. Тогда онъ еще яснѣе увидитъ, съ какимъ мастерствомъ поступилъ съ произведеніями Ланглуа и Стефаноза этотъ чудный

армянскій профессоръ Д. Бакрадзе, обвиняя въ эточъ хитроумнаго профессора, приводитъ множество фактовъ; между прочимъ, онъ доказываетъ и то, что грузинскія хроники имѣли, напротивъ, вліяніе на историческіе источники самихъ армянъ. Кто этому не повѣритъ, просимъ прочесть и подвергнуть вышесказанное сочиненіе Д. Бакрадзе основательной критикѣ.

Такъ храбрый профессоръ пошелъ войною на нашу „Картлисъ-цховреба“, на этотъ основной документъ исторической нашей самоличности и того или другого историческаго нашего житья-бытья, чтобы, подкопавшись подъ него, вмѣстѣ съ тѣмъ повергнуть ницъ и все наше прошлое и настоящее. Правда, онъ замахнулся на насъ дубиною, но десять ударовъ нанесъ себѣ, а одинъ едва-ли намъ. Правъ Паткановъ или нѣтъ, разборомъ этого мы теперь не занимаемся. Мы лишь желаемъ представить картину тѣхъ боевыхъ приемовъ, къ которымъ армянскіе ученые прибѣгаютъ, чтобы стереть насъ съ лица земли.

III.

Паткановъ не ограничился приведеннымъ выше, — правду сказать, еще, какъ знаменосецъ армянскихъ ученыхъ грамотеевъ, иначе и не могъ поступить: это было бы нарушеніемъ разъ навсегда намѣченной программы.

Неимѣніе грузинами историческихъ хроникъ не составляетъ особеннаго преступленія и не можетъ служить доказательствомъ злонравія народа. Нѣкоторые иностранцы считаютъ насъ за добродушную націю, людьми съ мягкимъ и добрымъ сердцемъ, при встрѣчѣ

любезными, пріятными и вѣжливыми. Правда ли мы таковы или нѣтъ—не намъ судить.

Армянскіе же ученые, кажется, позавидовали намъ и въ этомъ, какъ будто не въ ихъ интересахъ было бы, чтобъ люди вообще были о насъ хотя въ этомъ отноше- ній добраго мнѣнія, и задумали и здѣсь намъ повредить, помѣшать. Паткановъ, обвиняя насъ въ фанатизмъ, какъ бы тѣмъ хочетъ сказать: „Кто вамъ сказалъ, что грузины добродушны“! Да, онъ увѣряетъ весь свѣтъ, что грузины—фанатики, т. е. что они не терпятъ лю- дей другой націи, другого вѣроисповѣданія, что они гонители ихъ.

Въ доказательство этого онъ приводитъ одну какую-то басню изъ времянь царицы Тамары. Фана- тизмъ, разумѣется,—зло, плодъ невѣжества и умствен- ной неразвитости. Такъ какъ же пожалѣть армянскому князю для насъ такой добродѣтели!

Быть можетъ, мы и злонравны, и злопамятны, заражены и фанатизмомъ—мы и объ этомъ не будемъ спорить. Но если армянскій профессоръ обвиняетъ насъ въ фанатизмъ, то, очевидно, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы показать, что армяне неповинны въ этомъ грѣхѣ, что мы, одни грузины, но не армяне, невѣже- ственны и злонравны. Посмотримъ—такъ ли это и нѣтъ ли и здѣсь какого либо подвоха, фокуса со сто- роны этого грамотея.

Когда грузины признали постановленіе Халкидан- скаго собора (495 г.), вслѣдствіе чего воспослѣдова- ло раздѣленіе грузинской и армянской церквей, армяне созвали въ Двинѣ особый соборъ, въ силу постано- вленія котораго ихъ патріархъ Авраамъ изрекъ такое письменное проклятiе на грузинъ: „Мы проклинали и

повергли ницъ грузинскаго католикоса Киріона, а относительно грузинъ повелѣваемъ, чтобъ армяне съ этого дня не имѣли никакого общенія съ ними,—ни при молитвѣ, ни при ѣдѣ и питьѣ, ни по дружбѣ, ни по воспитанію дѣтей; да не дерзнетъ никто изъ армянъ пойти ни во Мцхетъ, ни на Манглисъ на поклоненіе славному кресту, пусть не позволяютъ имъ (грузинамъ) посѣщать наши храмы, избѣгаютъ вступать съ ними въ брачныя связи. Разрѣшается лишь имѣть съ ними, какъ съ евреями, торговыя сношенія. Кто нарушитъ это постановленіе, да будетъ проклятъ тѣломъ, душою и всею своею жизнью*.

Объ этомъ повѣствуетъ грузинскій историкъ Каганкатваци. Исторія его относится къ IX в. и переведена по-русски самимъ же армянскимъ профессоромъ Паткановымъ. Это высоконравственное и гуманное соборное постановленіе высшаго армянскаго духовенства изложено въ этой самой исторіи. Будь на свѣтѣ справедливость, развѣ имѣющій въ рукахъ такое фанатическое постановленіе главы армянской церкви дерзнулъ бы заикнуться о фанатизмѣ другихъ?! Почему онъ хранитъ такое достойное похвалы молчаніе о такомъ изъ ряду вонъ выходящемъ фанатизмѣ, развѣ онъ заговорилъ объ этомъ предметѣ?

Развѣ послѣ этого не правъ Д. Бакрадзе, говоря о Паткановѣ: „Общепризнанные факты грузинской исторіи г. Паткановъ или замалчиваетъ, или если и приводитъ, то въ искаженномъ видѣ, чтобы набросить тѣнь какъ на историческіе памятники грузинъ, такъ и на нравы нашихъ предковъ“. Если профессора, составляющіе гордость и славу армянъ, не гнушаются подобными приёмами передѣлокъ и передержекъ,

то чего же ожидать отъ прочихъ армянъ, имѣющихъ одни пустые дипломы, кичащихся и прожужжавшихъ ими намъ уши!

Такимъ образомъ, приткій профессоръ якобы взорвалъ нашу историческую лѣтопись („Картлисъ-Цховреба“) и клочки бросилъ намъ въ лицо, опорочилъ престижъ нашъ, оповѣстивъ міръ, что будто неучъ и невежественный армянинъ, т. е. послѣдній изъ нихъ стоялъ умственно выше грузинъ даже въ періодъ духовнаго развитія Грузіи и возвелъ на насъ обвиненіе въ фанатизмъ. Не довольствуясь этимъ, онъ счелъ нужнымъ, подступить къ намъ и съ другой стороны. Вырвавъ душу, онъ сталъ вырывать и куски изъ нашего тѣла. Если-бъ онъ не нанесъ намъ удара и съ этой стороны, то измѣнилъ-бы первому и послѣднему пункту программы ариянскихъ **Промтеевъ**, а такой отвѣтственности, такого грѣха онъ не позволилъ бы себѣ взять съ собою на тотъ свѣтъ.

Признано исторической истиною, что „мушеки“ египтянъ, библейскіе „мосохи“, или „мости“, нынѣшніе „меси“, „тиберы“ Геродота, „тиберы“ и „коави“ Страбона составляли одно родственное племя съ грузинской націею. Также извѣстно, что это грузинское племя съ давнихъ временъ занимало въ Малой Азіи все пространство, со включеніемъ р. Галиса до береговъ Чернаго моря, и всю восточную сторону этого моря, а также всѣ мѣста, лежащія между Курою и Араксомъ. Ясно, что если кому либо угодно будетъ присвоить ихъ себѣ или лишить грузинъ права собственности на нихъ, то онъ поставленъ будетъ въ необходимость доказывать, что вышепоименованныя племена не были родственны грузинамъ. Такъ и посту-

пыль нашъ смѣлый профессоръ: онъ клянется и божится, что „могли“ и „колли“ не родственныя грузинскія племена, доказательства же на это удивительное утврѣненіе никакого не представляетъ. „Дитятко, зачѣмъ плачешь?“ — „Сходить съ рукъ, потому и плачу“¹⁰⁾ („დალღო, რად სობროთ? ვაძღის რა ვობროთ“), говорится въ такихъ случаяхъ.

Такимъ же образомъ онъ захватываетъ и Таосъ-Кари, нынѣшній Чорохскій бассейнъ, несмотря на то, что иностранные летописцы, напр. Константинъ Порфирогенъ (911—959 г.), свидѣтельствуютъ, что ранѣе X в. Чорохскій бассейнъ принадлежалъ грузинскимъ Багратидамъ и что, молъ, оттуда они заняли Эрзерумъ и другія части Арменіи. Хотя бы и этого не было: весь Чорохскій бассейнъ полонъ грузинскими храмами и монастырями съ грузинскими надписями, и нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ VIII—IX вв. Въ эти неподкупные свидѣтели описаны армянскимъ же монахомъ (вардапетъ) Саргисіаномъ, изслѣдованы Броссе и напечатаны въ академическихъ мемуарахъ. Этотъ же самый Саргисіанъ, посѣтившій Чорохскій бассейнъ въ 1843—1853 гг., съ прискорбіемъ заявляетъ, что онъ „не имѣлъ возможности списать во множествѣ имъ видѣнная такъ грузинскія надписи“¹¹⁾. Абихъ, Ханыковъ и тотъ же самый Кохъ, на котораго въ одномъ случаѣ ссылается Паткановъ, подтверждаютъ то же самое.

Такъ или иначе, Паткановъ идетъ еще дальше

¹⁰⁾ Груз. пословица. *Примѣч. переводчика.*

¹¹⁾ См. Д. Бакрадзе: „Археолог. пут. по Гуріи и Аджаріи“, стр. XIV.

в разъ вошелъ во вкусъ присвоенія чужого, такъ уже удержу ему нѣтъ: онъ протягиваетъ руки и къ *Тчипети* (*Ἰβήση*), по Моисею Хоренскому *Джавони*, т. е. къ Халдеѣ,—она, молъ, составляла часть Армянскаго царства. „Когда и гдѣ объ этомъ писано?“—спрашиваетъ Д. Бакрадзе снѣлаго и съ разгулявшимся аппетитомъ армянскаго профессора. И онъ правъ. Если Моисей Хоренскій пишетъ, что, молъ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя назывались Халдеею, почти за двѣ тысячи лѣтъ назадъ жили армяне, такъ вѣдь въ настоящее время всякому извѣстно, что это басня. Равно всѣмъ извѣстно и то, что патріархъ армянскихъ историковъ не настолько заслуживаетъ довѣрія, славы и величія, какъ армяне полагаютъ.

Ленорманъ, признанный всѣми авторитетнымъ ученымъ, вотъ что говоритъ. „За неопровержимую истину должны мы принять, что у армянъ не существуетъ никакого національнаго преданія до Тиграна Перваго, современника Кира. Повѣствованія о событіяхъ до этого періода времени, всѣ рассказы армянскихъ писателей имѣютъ источникомъ сочиненіе Моисея Хоренскаго, которое ни что иное какъ простая копія съ компиляціи лживаго повѣствователя Маробазз Катина. Этотъ господинъ Катина жилъ въ первомъ вѣкѣ христіанства, занимался литературой, принадлежалъ къ едесской школѣ и, вотъ онъ то и составилъ компиляцію, въ которую внесъ больше лжи, нежели правды, и все это онъ построилъ по образцу хронологической системы Ктезія; не говоря ни о чемъ другомъ, одно подражаніе этой системѣ должно уже было испортить дѣло, должно было отдалить его отъ истины. Дабы обмануть легковѣрнаго читателя, Ка-

тина прибѣгъ къ такой хитрости: компиляцію свою онъ отнесъ ко времени Александра Македонскаго. Подобныя продѣлки были сильно распространены во время Катина, такими фальсификаціями наводненъ былъ весь міръ²⁰⁾).

Мы не потому приводимъ здѣсь основанное на фактахъ мнѣніе Ленормана, чтобы скомпрометировать Моисея Хоренскаго въ глазахъ его соплеменниковъ. Но отсюда послѣ вылупилась такая штука, что мы еще разъ убѣдились, какіе похвальные нравы и тактическіе приемы присущи вообще всѣмъ грамотеямъ армянскимъ и знаменосцу ихъ Патканову въ частности. Такое свое мнѣніе, нынѣ всѣми принятое, о Моисеѣ Хоренскомъ г. Ленорманъ высказалъ въ 1871 году. Нечего и говорить, что оно, должно быть, было не совсѣмъ пріятно хвilitелямъ и величателямъ Моисея Хоренскаго. Что же имъ оставалось дѣлать? Не карлику же было сразиться чуть ли не съ Гоццфомъ науки—съ Ленорманомъ! А если бы онъ даже дерзнулъ на это, то что бы онъ выигралъ? А какъ тутъ вывернулся Паткановъ? Вотъ гдѣ зарыта собака! Вышло, что „разъ горить у тебя саманникъ, погрѣй лоть руки“²¹⁾). И онъ погрѣлъ дѣйствительно!

Паткановъ притворился глухимъ, какъ будто ни Ленормана не существуетъ, ни высказаннаго имъ мнѣнія о Моисеѣ Хоренскомъ, и, спустя довольно долгое время, когда мнѣніе Ленормана уже было

²⁰⁾ См. Ленормана „Ассириологическія письма“ 1-я серия, письмо 2-е.

²¹⁾ Грузинская пословица — „ხაბიულო რა გეწოდეს, ხელები ჯაობი“. Примѣч. перев.

выяснено, приступилъ, какъ будто по собственной инициативѣ, къ критическому разбору Моисей Хоренскаго, какъ будто онъ самъ напалъ на то мнѣніе о Моисей Хоренскомъ, которое уже было высказано раньше Ленорманомъ. Такимъ образомъ, онъ чужое выдалъ за свое, онъ вноль открылъ уже открытую Америку и, подбоченясь, сталъ взирать на всѣхъ съ высоты своего величія. Какъ намъ правится подобный поступокъ? Если онъ не по вкусу, то послушайте - ка громотеевъ-сотоварищей Патканова, что они говорятъ объ этомъ присвоителѣ чужого открытія, объ этомъ смѣльчакѣ профессорѣ, облекшемся въ чужую одежду: „Самымъ капитальнымъ историческимъ трудомъ Патканова былъ именно этотъ трудъ“²⁹⁾. Говорятъ же: „люди сами разберутъ—кто правду говоритъ, кто лжетъ“³⁰⁾. Брешеть, выдумавшій эту поговорку!

Если это дѣйствительно наикапитальнѣйшій трудъ Патканова, то каковъ же долженъ быть не капитальный?! Объ этомъ спросимъ другого ученаго, именно г. Марра, нынѣшняго профессора армянскаго языка въ с.-петербургскомъ университетѣ. „Я--ученикъ Патканова“,—заявляетъ г. Марръ съ гордостью. Защита наставника в титанникомъ достойна похвалы, но и это недурно сказано: „достоинъ воспитатель побоевъ, когда воспитанникъ плохъ“³¹⁾.

Г. Марръ хотя еще не приобрѣлъ извѣстности

²⁹⁾ „Братская помощь“, стр. 604, изд. 2.

³⁰⁾ Груз. послов: „კაცს მართლსა თუ მტყუბნსა, კაცნივე უმტყუბნებ“ *Примеч. перев.*

³¹⁾ Груз. посл. „ცემ ვმართებს ვამდებლსა, თუ უმ მართს“ *Давитіани Кн. Гурамова. Примеч. перев.*

продѣлками въ родѣ паткановскихъ, чего и не дай Богъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ идетъ по стопамъ его: ужасно пѣтушится, какъ бы грозясь „не пропуститъ птицы на небесахъ надъ собою и муравья на землѣ подъ собою“. Просмотрите-ка его бесѣду съ Ахакіемъ Церетели ¹⁰⁾ и вы увидите, какъ спѣсиво, словно пава, выступаетъ онъ впередъ, бахвалясь своею ученостью, съ какими апломбомъ трактуеть, причисляя себя къ сомму намученѣйшихъ людей. Въ послѣднее же время г. Гольмстремъ ¹¹⁾ рисуетъ намъ его чуть-ли не восходящимъ свѣтиломъ на горизонтѣ науки. Увидите, что послѣ этого „неба не хватить ему на шапку, а матери-земли на лапти“ ¹²⁾. Хотя все это какъ то напоминаетъ пословицу: „куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней“. Но, впрочемъ, намъ-то какое дѣло? Пусть ракъ тянется за комемъ, мы же сдѣлаемъ свое ¹³⁾.

По мнѣнію г. Марра, если существуютъ какіе либо зачатки культуры въ Грузіи, то чуть-ли не по милости армянь ¹⁴⁾. „Вздумай грузины отрицать это, полкультуры ихъ, грузинъ, сгинеть,“ — говоритъ это вновь восходящее свѣтило науки! Быть можетъ, это вѣрно, не будемъ и въ этомъ ему возражать, такъ какъ мы и не дуемъ заниматься празднымъ вопросомъ о томъ:

¹⁰⁾ Известный грузинскій поэтъ. *Примеч. перес.*

¹¹⁾ См. „С. Петерб. Вѣдомости“ 1899 г., № 33.

¹²⁾ Груз. пословица: „*საქვადი არ მიაბნის რა ზღა მის ქვეშეა*“. *Примеч. переводчика.*

¹³⁾ Въ подлинникѣ правдою грузинская пословица, буквальный перевод которой слѣдующій: черепакъ высушила лавку! и я тоже въ табутѣ — „*საქვადი არ მიაბნის რა ზღა მის ქვეშეა*“. *Примеч. перес.*

¹⁴⁾ „Братек. пом.“, стр. 563, изд. 2-е.

грузины культурнѣе армянь или наоборотъ. Пусть трактуютъ о подобныхъ вещахъ бездѣльными, мы же далеки отъ такого пустословія. Мы хотимъ лишь сказать, что когда такіе ученые, какъ Марръ, проповѣдываютъ подобныя вещи, то должны подтверждать слова свои доказательствами.

Г. Марръ коснулся своимъ острымъ мечемъ даже языка нашего. Обиліе словъ въ языкѣ—признакъ обилія понятій въ народѣ, и когда историческія обстоятельства приводятъ въ соприкосновеніе одинъ языкъ съ другимъ, то слабѣйшій оставляетъ на себѣ отпечатокъ вліянія болѣе культурнаго языка.

Неужели съ этой цѣлью, съ такимъ намѣреніемъ г. Марръ говоритъ намъ, что грузинскій языкъ усвоилъ себѣ много армянскихъ словъ, и тѣмъ какъ-бы издалека намекаетъ, что это еще одинъ доводъ въ пользу культурности армянь и вліянія ихъ культуры на грузинъ!

Станъ—„банаки“, „стѣаки“--бѣлый, „жамы“—время, „калаки“—городъ, „сѣаки“--келья, „карзи“—хорошій, „тцеси“—порядокъ, „матіанэ“—лѣтошисъ, „пативи“—почетъ, „тцѣшмарити“—истина и много другихъ словъ—всѣ чисто, молъ, армянскія, вошедшія въ составъ грузинскаго языка. Можетъ быть, это справедливо, но Богъ вѣдаетъ—грузины-ли позаимствовали эти слова у армянь или наоборотъ. Мы здѣсь не будемъ утверждать ни того, ни другого. Только насъ удивляетъ такъ категорически высказанное мнѣніе о томъ, о чемъ еще бабушка надвое сказала, и почему г. Марръ повелъ такіе разговоры?

Напротивъ, если только г. Ленорманъ достойный довѣрія ученый, если только лингвистъ Эженъ Бурнуфъ пользуется, какъ увѣряетъ г. Ленорманъ, въ подоб-

ныхъ случаяхъ дѣйствительно непоколебимымъ авторитетомъ, то почему г. Марръ не обратилъ вниманія на нихъ, если не для того, чтобы довѣриться ихъ мнѣнію, то для возбужденія сомнѣнія въ томъ, о чемъ онъ самъ выразился такъ категорически и рѣшительно?

Ленорманъ говоритъ: „положительно установлено, что большая часть этихъ (грузинскихъ) словъ относится къ персидскому языку и вошла въ составъ грузинскаго сравнительно недавно и не по необходимости, а въ силу историческихъ обстоятельствъ. Остальная же часть грузинскихъ словъ существуетъ съ давнихъ временъ и, достовѣрно можно сказать, носить грузинскій характеръ, какъ это намъ доказалъ великій лингвистъ Эженъ Бурнуфъ“.

О древнѣйшихъ временахъ грузинскаго царства и культуры его упоминается въ ассирійскихъ 'клинообразныхъ надписяхъ еще въ 1300 г. до Р. Х., какъ это ясно увидимъ ниже, объ армянахъ же и помину не было до конца VII в. до Р. Х. А если уже зашла рѣчь о языкѣ, то развѣ не болѣе основанія предположить, что армяне позаимствовали отъ грузинъ слова для пополненія недостающихъ у нихъ?

Допустимъ даже, что все это не такъ, что это предположеніе ошибочно и что нѣтъ на то никакихъ доказательствъ. Ученый Гетеріасъ, знатокъ грузинскаго и армянскаго языковъ,—не ученый же шарлатанъ! И онъ однако высказался, что не могъ ясно понять внутренняго значенія армянскаго языка, пока не выучился грузинскому, такъ какъ многіе корни армянскаго языка состоятъ изъ элементовъ грузинскаго, и безъ этого языка невозможно было ихъ объяснить

Высказанное г. Ленорманомъ и Раульсономъ мнѣніе, что вторженіе армянь въ Арменію (въ концѣ VII в до Р. X.) поглотило много чего алародійскаго (грузинскаго), усиливаетъ доказательство мнѣнія, высказаннаго и Гетеризсомъ, и хотя на этомъ основаніи, по крайней мѣрѣ, г. Марръ долженъ былъ усомниться въ своихъ сужденіяхъ, а не издавать приказа, что это должно быть такъ, какъ ему угодно и какъ онъ наставляетъ въ томъ своимъ менторомъ.

За все, сказанное г. Марромъ, мы не дадимъ гроша мѣднаго. Обогащеніе языка чужими словами скорѣе можетъ возвысить, нежели унижить чшіхъ. Русское слово „очагъ“ и наше „оджаги“—монгольское слово, „башки“ происходитъ отъ татарскаго или персидскаго „башъ“, „сакля“—грузинское слово „сакли“, „релиція“, „профессія“, „поэзія“, „литература“ и тысячи подобныхъ словъ—всѣ заимствованы изъ другихъ языковъ, но что же изъ этого? Въ англійскомъ языкѣ почти половина словъ французскихъ. Пусть-ка однако любой грузинъ или армянинъ попробуютъ похвалиться своими чистыми, яко бы самобытными языками передъ англичанами и доказывать имъ, что языки ихъ стоятъ выше англійскаго! Превиди, поводъ къ подобному разглагольствованію г. Марру подать другой, но ему подобало знать, что разсуждать объ этомъ—значить толочь воду и больше ничево.

Г. Марръ и въ другомъ отношеніи дѣлаетъ попытку прогуляться насчетъ насъ, какъ будто онъ имѣетъ на насъ зубъ и мститъ за что-то. Давно онъ грозится: дайте лишь время, я изорву въ клочки вашу пресловутую поэму „Барсовую кожу“ (Вспихль-Ткло-

сани) ⁸⁰⁾; я предполагаю, что въ Англии есть-де манускриптъ, найду его и докажу вамъ, что пресловутая эта поэма ваша или переведена, или заимствована отсюда. О, великій Руставели, о, гордость наша! Ты оказываешься простымъ воришкой, подобно армянскимъ проидохамъ книжникамъ, выдалъ чужое за свое! А мы-то тебя какимъ великимъ человѣкомъ считали! Гордились твоимъ именемъ и славой! Г. Марръ, которому, какъ самомнящему ученому, самъ чортъ не братъ, не простой же смертный, чтобы напрасно пригрозить и не узнать, что „слово, какъ стрѣла, спущенная съ тетивы, не можетъ вернуться назадъ“ ⁸¹⁾. Погрозился и вотъ... съ того дня прошло уже семь-восемь, если не больше, лѣтъ, но угроза осталась угрозой. Г. Марръ отлично знаетъ, какое безцѣнное сокровище для насъ поэма „Барсовая кожа“ (Вепхись-Ткаосани), отлично знаетъ, какая она опора для нашего народнаго самолюбія, гордости. Слѣдовательно, если кому нужно нанести смертельный ударъ и отнять у насъ опору нашей славы и гордости, то лучше всего подойти именно съ этой стороны. Если не этимъ, то какимъ душевнымъ побужденіемъ, съ психологической точки зрѣнія, можно объяснить такую невоздержанную угрозу и бахвальство ученаго?

Пристойно-ли, не имѣя еще въ рукахъ никакихъ данныхъ, не разсмотрѣвъ ихъ и не зная навѣрное—

⁸⁰⁾ Известная поэма Шота Руставели—современника царицы Тамары (XII в.) *Примеч. перев.*

⁸¹⁾ Груз. пословица: „*ახალი და პირობა ხეცუჯა, რა ვაბი-
უბრუნა, არ ვბრუნებებს*“. *Примеч. перев.*

существуютъ-ли они гдѣ либо на свѣтѣ, прельсть поруганію истинно великаго человѣка того или другого народа, оскорбить почти святая святыхъ его, которымъ онъ восторгается и которымъ онъ не влюбуется въ продолженіе почти семи-восьми столѣтій? И все это продѣлать на основаніи лишь того, что профессору Марру приснилось, что въ Англіи существуетъ какой-то манускриптъ, въ дѣйствительности не существующій!

Пристойно-ли потрясти, пошатнуть фундаментъ славнаго памятника, въ который народъ вложилъ свое горе и свою радость, свою душу, свои лучшія помышленія, чувства?...!

Пристойно-ли? Еще разъ повторяемъ,—будь у г. Марра въ рукахъ данныя, кто осмѣлился бы шикнуть слово,—кто пошелъ бы противъ истины?! Но если бы истина и причинила намъ горе, мы почтительно и съ благоговѣніемъ склонили бы голову предъ нею. Но дѣло въ томъ, что профессоръ въ глаза не видѣлъ документовъ, да и какъ могъ видѣть то, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ и что лишь существуетъ въ разгулявшемся воображеніи г. профессора! И несмотря на это, все-таки онъ рѣшился сказать: „задамъ же я вамъ трепку! Миѣ такъ приснилось, во снѣ я видѣлъ, что тѣ данныя существуютъ въ Англіи“. Если дѣйствительно все это не пригрезилось ему, то гдѣ же обѣщанныя имъ документальныя данныя? Что ихъ поглотило? Если они не могли быть найдены, то гдѣ же тотъ благородный порывъ, достойный вполнѣ истиннаго ученаго, вставляющій

сознаться „сдѣлся и какъ“ ¹¹⁾ Правда сказано: „Отъ совы нельзя ждать соколиныхъ перьевъ“ ¹²⁾.

Ну какъ не возмутиться такимъ нахальствомъ и непростительнымъ поступкомъ? Хотя опасаемся, но все таки скажемъ: неужели такой великій ученый, какииъ, вѣроятно, г. Марръ считаетъ себя, не сказалъ правды? И если не сказалъ, зачѣмъ онъ такъ поступилъ съ нами? Зачѣмъ было обращаться къ намъ съ такою смѣлою угрозой, а если ужъ онъ погрозилъ, то почему не исполнилъ угрозы своей? Какой интересъ г. Марру силиться вырвать у насъ изъ рукъ наше сокровище и съ этою цѣлью замахиваться тупой и зазубренной шашкой? Ради чего, не имѣя въ рукахъ никакихъ данныхъ, въ силу только своего собственного соображенія, онъ старается лишить насъ поэмы „Барсовая кожа“ (Вепхистъ-Ткаосани)? Кому этотъ народный памятникъ достоинствъ грузинъ служить бѣльмоу на глазу, что г. Марръ съ такимъ самоотверженіемъ старается снять его? Отгадайте вы сами, мы же давно знаемъ, что „быкъ, привязанный около другоу быка, перейметъ отъ него или цвѣтъ, или нравъ“ ¹³⁾.

IV.

Дѣйствія армянскихъ книжниковъ - грамотеевъ похожи на большую рѣку: чѣмъ дальше и дальше

¹¹⁾ Груз. пословица. „ხოელის ხადიბთა მჯდომელი ხო-
ფელსაუთუკე ჰოელი“. *Примеч. перев.*

¹²⁾ Груз. пословица: „ვეისეგან ნუ ვამოელი პოლო-კარკა-
ვის ბუფესა“. *Примеч. перев.*

¹³⁾ Груз. пословица. „მათი ხართან დააბი, ან ფერს იცუ-
ლობ, ან სხვათ“. *Примеч. перев.*

идешь въ воду отъ берега. Тѣмъ глубже и глубже погружаешься въ нее, ясное и ясное видишь длину и ширину ея. Смѣлость, нахальство ихъ день ото дня увеличиваются болѣе и болѣе, смѣлѣе и смѣлѣе начинаютъ они восхвалять себя и все болѣе и болѣе безцеремонно обращаться съ нами. Нигдѣ такъ ясно не обрисовывается развѣ навсегда принятая ими программа дѣйствій, усвоенная хитрость и пронырливость, какъ въ одной европейской газетѣ въ которой по порядку перечислено все, могущее служить къ возвеличенію и прославленію армянъ и къ униженію грузинъ, внушенное, очевидно, этими учеными грамотеями. Здѣсь уже эти господчики ничѣмъ не стѣняются, не брезгаютъ. Они явно и откровенно пускаютъ въ ходъ такія пролѣвки и средства, одна мысль о которыхъ должна вызывать краску стыда на лицѣ всякаго человѣка, будь онъ армянинъ или кто другой.

Во время послѣдней войны, именно въ 1877 г., французская газета „Тешрѣ“ прислала въ нашъ край корреспондента, по имени Кузули. Посылаемая имъ отсюда корреспонденція печаталась въ ней въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Вотъ что пишетъ этотъ Кузули по поводу того, въ чьи руки онъ попалъ еще тогда, когда, на пути къ намъ, не успѣвъ еще проѣхать отъ Владикавказа одну станцію. Еще въ Балтахъ *) встрѣчается съ нимъ наизрѣнно или случайно одинъ артиллерійскій офицеръ, шуминскій армянинъ. Онъ сажаетъ француза-корреспондента съ собою въ „повозку“ и привозитъ въ Тифлисъ. О

*) Первая почтовая станція отъ Владикавказа къ намъ.

чемъ этотъ офицеръ бесѣдовалъ по дорогѣ— неизвѣстно намъ. Надо думать, что онъ ничего особенно хорошаго не сообщилъ бы о насъ. Это основывается на томъ, что вскорѣ по пріѣздѣ въ Тифлисъ офицеръ этотъ повелъ своего новаго гостя къ намъ покойному Арцуруни, редактору „Мшака“, который, по словамъ Кутули, „былъ главой либеральной партіи, и хотя онъ не духовнаго сана, но среди армянъ игралъ ту же роль, какую Деллингеръ и отецъ Гіацинтъ— среди католиковъ, и лучше самого патріарха понимаетъ армянское священное писаніе“.

Нечего и говорить, что г. Кутули не провкзменовалъ бы католикоса армянъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ категорически заявляетъ, что это, молъ, такъ. Откуда и какъ онъ узналъ о преимуществахъ Арцуруни предъ уважаемымъ патріархомъ? Очевидно, или самъ Арцуруни пустилъ пыль въ глаза, или другой кто нибудь, съ цѣлью закрыть иностранцу глаза и не дать ему возможности самому присмотрѣться къ окружающему. Очевидно, или самъ Арцуруни, или кто либо другой постарался вбить въ голову новопріѣзжему французу такую невѣроятную вещь съ цѣлью увеличить въ глазахъ его авторитетность Арцуруни, чтобы Кутули легче могъ довѣриться такому мудрецу и видѣть только то, на что укажетъ этотъ Деллингеръ и Гіацинтъ армянъ. Нечего и говорить, никто не сомнѣвался, что если онъ что либо и укажетъ, то укажетъ какъ слѣдуетъ поразъ намѣченной программѣ и лицомъ въ грязь не ударить.

Повѣдали ему и то, что г. Арцуруни прежде всего просвѣтился и набрался учености въ Москвѣ, затѣмъ въ Петербургѣ и въ концѣ концовъ въ Гей-

дельбергъ и что онъ-де очень свѣдушъ въ филосо-
фіи. Дабы еще болѣе возвеличить этого всесторонне
образованнаго философа, надѣлиаи его еще однимъ
великимъ качествомъ, именно тѣмъ, что братъ сію въ
Германіи профессоромъ. Хотя профессорство брата
не особенно вѣская рекомендація для испрофессора
брата, но, тѣмъ не менѣе, и это не было увеличеніемъ
изъ виду для вѣщнаго возвеличенія Арцруни. Вотъ
какъ они разлули Арцруни, — хотя бурляють раздуваться
тогда лишь, когда онъ пустой. Они постарались такъ
подготовить иностраннаго гостя, чтобы каждое слово
Арцруни послѣ принималось имъ за червонное золото.
Нечего и гонорить, что легковѣрный французъ по-
палъ въ сѣти и, какъ это, повторялъ, безъ провѣр-
ки, безъ разслѣдованія, все то, что ему было вну-
шаемо. Вникните-ка въ встрѣчу на почтовой станицѣ
Балта и во всю эту исторію, и вы убѣдитесь, на
какіе пролѣтки и фокусы они способны, чтобы толь-
ко околпачить и перетянуть на свою сторону иностран-
ца. Это однако цвѣточки, ягодки будутъ послѣ.

Окруживъ себя такимъ ореоломъ, Арцруни сна-
чала велеть Кутули въ тифлисскую городскую думу,
которую онъ, Кутули, величаетъ маленькимъ парла-
ментомъ, члены же управы корреспонденту перешлутъ
ся министрами, а Арцруни съ своею либеральною пар-
тією—оппозиціею. Затѣмъ онъ имѣеть съ Кутули об-
ходить всѣ армянскія церкви Прекрасныя и дорогія
облаченія армянскихъ священниковъ поразили Кутули.
И для какого же лучшаго дня они сберегли бы ихъ?
Затѣмъ онъ повелѣть этого иностраннаго гостя въ ар-
мянскія школы. Кутули отвѣчается съ позволеніемъ о пре-

красныхъ глазахъ армянокъ-ученицъ. хотя вообще насчетъ ихъ красоты извиняется, — pardon, молъ.

Покойный Арцруни вводитъ Кутули въ армянскій интеллигентный кружокъ. Кутули поименно называетъ всѣхъ, съ которыми Арцруни познакомилъ его, — но намъ незачѣмъ перечислять ихъ. Достаточно знать, что Арцруни ввелъ своего новаго пріятеля въ армянскій кругъ. Пошли въ честь его обѣды, ужины, кутежи, пиры въ садахъ, домахъ, распѣвали ему пѣсни, романсы. Кутули жалуется, что разъ онъ вернулся домой съ одного изъ подобныхъ кутежей до такой степени навеселѣ, что не въ силахъ былъ взять перо въ руки: такъ всѣ мысли у него перепутались. На всѣхъ пирахъ, на какихъ онъ бывалъ, его угощали армянскими кушаньями, которыя очень понравились желанному гостю арцруневской либеральной партіи. Послѣ пригласили его въ Шиндиси на какой то храмовой праздникъ. Здѣсь уже французъ окончательно пришелъ въ восторгъ. Только одно его поразило: оказывается, всѣ бывшія на пирахъ и на богемольи женщины были „съ большими, какъ гора, носами“. Понятная вещь, либеральная партія Арцруни не рѣшилась бы допустить, чтобы такой недостатокъ присвоено былъ армянамъ, и не позволила бы Кутули протрубить по цѣлому міру объ этомъ. А чтобы иностранецъ не поставилъ въ строку армянамъ даже этотъ безобидный недостатокъ, скоро нашли и козла отпущенія ⁸⁶⁾ Толково и чистосер-

⁸⁶⁾ Въ подлинникѣ буквально такъ сказано: „нашли в великій заборъ, черезъ который всякій можетъ перешагнуть“. (Հոծորդ լուծը). *Примѣчаніе переводчика.*

дечно объяснили ему, что всѣ эти носатыя дамы молъ,—грузинки. И за то спасибо! По крайней мѣрѣ, того, что у нихъ лишнее, что имъ не нужно, не жаждутъ для насъ, щедрой рукой преподносятъ намъ. На тебѣ, Боже, что намъ негоже! Какого же большаго доказательства расположенія намъ нужно: даже носы свои отдають изъ любви къ намъ.

Что было дѣлать попавшемуся въ разставленныя сѣти вѣтрогону-французу? Все оказалось армянскимъ: парламентъ—армянскій, пиры и увеселенія—армянскія, праздники—армянскіе, Деллингеры и Гиацинты—армяне, философы—армянскіе, кушанья—армянскія гдѣ же? въ Тифлисъ! Очевидно, здѣсь Арменія и Тифлисъ—городъ Арменіи. Какой же другой выводъ могъ сдѣлать такъ искусно опутанный пришелецъ?! И вотъ Кутули, восхищенный гостепріимствомъ армянъ, пока еще изъ Тифлиса никуда не отлучался, восклицаетъ: „Навѣрное, Эдемъ былъ здѣсь, въ Арменіи“! Такимъ образомъ, увѣрили европейскаго корреспондента, что Грузія, включая и Тифлисъ,—Арменія и вѣсть эту заставили его распространить по всему міру при посредствѣ такой почтенной и вліятельной газеты, какъ „Temps“!

Однако спросимъ: какой смыслъ въ такомъ смѣшномъ вѣроломствѣ, въ такой фальсификаціи? Отвѣтъ на это указалъ самъ Кутули. Онъ, оказывается, „торопился присутствовать при взятіи Карса“, но такъ какъ и самъ Кутули, и его новые друзья-пріятели желали выдвинуть вѣстѣ съ великимъ восточнымъ вопросомъ и армянскій, то онъ остается въ г. Тифлисъ, чтобы „ознакомиться съ положеніемъ здѣшнихъ народностей“. Ну и постарались ознако-

въ ихъ рукахъ. Заставили же они его каркнуть, что Тифлисъ—Арменія; но и Тифлиса не довольно ихъ, —необходимо заставить его сболтнуть, яко-бы и все Закавказье принадлежитъ армянамъ; и это желаніе, какъ увидимъ, исполнилось. Повѣдавъ Европѣ, что на Кавказѣ живутъ представители четырехъ національностей, Кутули далѣе говоритъ: хотя армянъ, молъ, въ настоящее время меньше, чѣмъ грузинъ, всего 600 т. (?), но въ концѣ настоящаго столѣтія число ихъ увеличится и ихъ станетъ больше послѣднихъ. А остальные націи? О татарахъ и русскихъ не упоминается ни слова, какъ будто не стоитъ говорить о нихъ, какъ будто они не могутъ быть приняты въ расчетъ. Не ясно-ли, что бѣльмомъ въ глазу служить лишь перевѣсъ грузинскаго элемента въ Закавказьи, что эти всесторонне-философски образованные, непрошенно суюшіеся не въ свое дѣло армянскіе Деллингеры и Гиацинты только и силятся снять это бѣльмо съ глаза. Кому взбредеть на умъ такой смѣхотворный процессъ увеличенія прироста армянъ и пониженія грузинъ тамъ именно, гдѣ кроиѣ нихъ живутъ еще татары и русскіе?! Оставимъ и это и спросимъ: что это за непостижимая такая причина, въ силу которой въ продолженіе 23 лѣтъ меньшее число армянъ увеличится, а большее число грузинъ уменьшится?! И кому какая нужда въ Европѣ въ такихъ смѣшныхъ увѣреніяхъ? „Подождите, молъ, въ настоящее время армянъ мало, но въ продолженіе 23 лѣтъ вылупятся и выростутъ цыплята ихъ въ бывшихъ гнѣздахъ орляныхъ и размножатся“! Къ чему, спрашивается, эта рѣчь объ этомъ обильномъ изрожденіи армянъ и вымираніи, вырожденіи грузинъ? Не очевидно-ли, по

амить его: Тифлисъ и вся Грузія наше, молъ, обита-
лище, наша страна,—и разъ это дѣйствительно такъ.
кто же скажетъ послѣ этого, что армяне разсѣяны
и нѣтъ у нихъ территоріи для сплоченія?! Протяните
отсюда нить къ тому, что говорилъ Сенковскій, и,
хотя это представляетъ „дистанцію огромнаго размѣ-
ра“, вы найдете ключъ къ заданной намъ загадкѣ.
Какъ знать? Легко предположить, что Деллингеры и
философы армянскіе существовали и при Сенковскомъ.
Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что отецъ по-
хожъ на сына, а сынъ на отца. Каковъ батька, таково
и дитяtko.

Теперь разсмотримъ, что они внушили Кутули
о происхожденіи и житьѣ-бытьѣ здѣшнихъ народно-
стей. Мы говоримъ: „внушили“, потому что Кутули
пробылъ въ Тифлисѣ такъ мало, что не могъ бы
усвоить даже названіе одной улицы, какъ же онъ
могъ ознакомиться съ положеніемъ населенія Кавказа,
будь онъ даже съ такимъ же всесторонне развитымъ
философскимъ образованіемъ, какъ г. Арцруни! Что
все, переданное имъ въ газетѣ „Тешр“, внушено ему
новыми друзьями, станетъ яснымъ, если вникнуть въ
самую тенденцію разсказа его.

По словамъ Кутули, въ Закавказьѣ живутъ пред-
ставители четырехъ національностей: армяне, грузины,
татары и русскіе. Неужели вы полагаете, что Кутули
будетъ трактовать объ этихъ четырехъ народностяхъ?
И не думайте! Лишь одни грузины были намѣчены
его армянскими друзьями, такъ какъ повторяю: „у Али
лишь плоть на уиѣ“. Лишь одно сопоставленіе гру-
зина съ армяниномъ—вотъ та игра, въ которой козы-
ри всегда, по странной прихоти судьбы, оказываются

милости чьихъ продѣлокъ, жонглерства околпаченный чужестранецъ взболтнулъ смѣшную чушь: „постойте, армяне размножатся, а грузины переведутся“! Это и называется — „быть рабомъ своихъ вождѣлей“¹¹⁾.

Разъ новые друзья Кутули вздумали заставить его писать корреспонденцию на почвѣ превосходства армянской народности въ Закавказьѣ, то они, разумѣется, постарались вбить ему въ голову и другія прелести, для оглашенія по Европѣ. И Кутули, какъ эхо, повторяетъ внушенное ему — армяне составляютъ, молъ, на Кавказѣ „третье сословіе“ (Tiers états). Въ рукахъ ихъ, — говоритъ онъ, — торговля, всѣ ремесла, всѣ отрасли общественной дѣятельности. Они — врачи, адвокаты, люди свободныхъ профессій. У нихъ свои школы, журналы, свой маленькій парламентъ въ Тифлисъ и проч. Въ настоящее время изъ нихъ много и на военную службу поступаютъ. Мадатовъ, Бибутовъ, Аргутинскій, Лорисъ-Меликовъ, Лазаревъ, Алхазовъ, Теръ-Гукасовъ — всѣми этими генералами снабдила, молъ, армянская нація русскую армію.

Извѣстный генералъ Лазаревъ — замѣчательный полководецъ; но онъ-де, вслѣдствіе зависти грузинскихъ князей, отставленъ и проживаетъ въ настоящее время въ Баку безъ дѣла¹²⁾. Затѣмъ Кутули перечисляетъ всѣхъ, на которыхъ вновь испеченные друзья его указали ему, какъ на извѣстныхъ на поприщѣ наукъ, искусства и проч. Хотя эти знаменитые армяне

¹¹⁾ „თჳილისა ხეობა ჴეფსობა, ყაფილი“. *Примѣч. перес.*

¹²⁾ Покойный Лазаревъ не былъ еще въ то время высланъ подъ Карсъ.

еще никѣмъ не признаны Голіафами въ области наукъ и искусствъ, но какое намъ дѣло оспаривать это! Мы и выше говорили—всего хорошаго армянамъ, хотя бы они и представили его въ преувеличенномъ видѣ, дай Богъ, къ чести и славѣ ихъ! Но вдохновенный всѣмъ этимъ Кутули изрекаетъ такое пророчество: „будущее на Кавказѣ принадлежитъ армянамъ, сосѣдямъ же ихъ грузинамъ и татарамъ не останется ничего, какъ только обармяниться“. Вотъ гдѣ конецъ началъ! Согласитесь, хорошее утѣшеніе! Не искусно ли заставить такую вліятельную газету, какъ „Темръ“, затянуть пѣсню въ такомъ тонѣ? Скажите, Бога ради, кому нужно было такъ одурачить несчастнаго Кутули, какъ не всесторонне развитымъ армянскимъ философамъ Деллингерамъ и Гіацинтамъ: вѣдь „дерево по плоду, плодъ по дереву познается“²⁹⁾.

„Нашъ народъ не любитъ поэзін, —мы больше любимъ сужденіе и критику“. Такъ увѣряли чужестранца Арпруни и его цехъ, величаемый господиномъ Кутули „арпруневскою школою“. Не знаю насколько можно гордиться нелюбовью къ поэзін, но великій Гете сказалъ: „тотъ варваръ, чьего сердца голосъ поэта не заставитъ трепетать“. Хотя Арпруни и его „школа“ не любятъ поэзін, но, тѣмъ не менѣе, они не лишены большой фантазіи. По мнѣнію въ высшей степени всесторонне развитаго философа, армяне въ будущемъ составятъ царство, по словамъ Кутули³⁰⁾, съ 30-ю миллионами подданныхъ. Не думаемъ, чтобы какой либо разумный армянинъ согласился съ такимъ необузданнымъ бредомъ всесторонне развитаго философа:

²⁹⁾ Гривъ пословица „Всѣмъ по плоду познается“.

³⁰⁾ См. „Темръ“ 1877 г., июля 30-го.

Мы убѣждены, что ни одинъ армянинъ, находящійся въ здоровомъ умѣ, не только не скажетъ, даже и не помыслитъ объ этомъ. Это стукотня расшатавшейся мельницы, — между армянами же или нѣтъ вовсе такихъ, а если и есть, то не стоитъ и говорить о нихъ. Это лишь болтовня бездѣльника, выжимающего воду изъ свѣжаго и пока еще влажнаго сыра и увѣряющего, что онъ выжимаетъ ее изъ камня. Все это глупый бредъ одного человѣка, и да простится ему это!

Допустимъ, что пророчество Кутули оправдалось бы: грузины и татары обармянились бы и превратились въ рабовъ армянъ. Вѣдь это будетъ каплею для образованія 30-милліоннаго армянскаго государства! Откуда же Арцруни обѣщала собрать такое количество подданныхъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ покойный философъ навѣрное унесъ съ собою въ могилу. Повторяемъ, мы приводимъ эту смѣшную исторію не потому, что повѣрили, будто кому либо изъ здравомыслящихъ армянъ тогда или теперь пришло что либо подобное въ голову, а потому, что у известной группы армянъ, о которой мы говоримъ, вошло въ привычку трубить именно въ подобную трубу. Это подтверждаетъ и самъ Кутули. Онъ говоритъ намъ, — понятно, по внушенію армянскихъ Деллингеровъ, — что Арцруни и „его школа“ приняли, долъ, жирардемовскій девизъ: „свѣдуетъ кричать о себѣ“. Справедливость требуетъ сказать, что они действительно „кричать“ и съ успѣхомъ кричать! Какого же еще вамъ крика, когда „у нихъ и вата производитъ грохотъ, а у другихъ и орѣхъ даже не грохочетъ“⁴¹⁾.

⁴¹⁾ Груз. пословица: „*ბათი ბობბაჲ მტროსაგანს და სჯობს*“
ბრუნ პოპოვს. Примеч. переводчика.

Трубить-то они трубить, и довольно сильно, но иногда так затрубят, что, говоря по совѣсти, должны были-бы заткнуть свои уши и съ ужасомъ сказать себѣ: „Что за трескучую тарабрищину мы слышимъ!“ Плавѣрное для того, чтобы показать Кутули, насколько армяне умны, насколько они успѣли приспособиться къ современнымъ требованіямъ жизни, они научили его нѣсколькимъ армянскимъ пословицамъ и, между прочимъ, слѣдующимъ: „Къ чему тебѣ знать, кто пекъ этотъ хлѣбъ. Если онъ вкусенъ, ѣшь, если даже его пекъ еврей“, или „гдѣ найдешь хлѣбъ, тамъ и селись“. Совершенно справедливо, что для такихъ мудрецовъ въ настоящее время большое поле дѣятельности; правда, что нынѣ тогъ и побѣждаетъ, кто слѣдуетъ подобнымъ заповѣдямъ, но врядъ-ли онѣ заслуживаютъ похвалы и гордости. Напротивъ, эти пословицы—позоръ создавшаго ихъ народа.

Съ давнихъ поръ христіанская религія учитъ: „Не пожелай... того, что принадлежитъ ближнему твоему“. Съ давнихъ поръ рядомъ съ этою заповѣдью идетъ по всему міру скромное, но достойное и облагораживающее челоуѣка ученіе: „Не насыщайся чужимъ молокомъ, не облакайся чужою одеждою“. Не пожелай ничего чужого, довольствуйся своимъ—это краеугольный камень челоуѣческихъ отношеній, это главная опора нравственности. Правда, если рядомъ съ этимъ ученіемъ привести грузинскію пословицу: „Что отдашь твое, чего вѣтъ,—потеряно“, или „давай щедро: вѣдь и моря и принимаютъ, и выпускаютъ воды“⁴²⁾,—

⁴²⁾ „თავისა გაცემ შენი, რაც არა დაკარგულა. უბრუნებელი დღვასაცა შენდის და გავრძიებდის“. Слова Шота Руставели, автора поэмы „Въ барсовой кожѣ“. Прим. переа

то вышеозначенныя армянскія пословицы, по современному понятію, сочтутся доказательствомъ практическаго ума, грузинскія же—дурацкой расточительности; но Богъ знаетъ, что лучше, гуманнѣе: ѣсть ли чужой хлѣбъ, или не жалѣть своего для бѣдняка? Кто знаетъ, какое зданіе крѣпче: основанное ли на нравственныхъ началахъ, или на правилѣ: загребай, хватай чужое и ѣшь, разъ оно вкусно?

Такъ или иначе, но, будь мы на мѣстѣ Арцуни и либеральной школы его, мы не только не гордились бы приведенными выше армянскими пословицами, но и другимъ заказали бы: „забудьте эти пословицы,—недостойно не только громко разглашать ихъ, но даже хранить въ сокровенныхъ помышленіяхъ. Но что дѣлать? У всякаго своя фантазія.

Вотъ, оказывается, подкладка того либерализма, зная котораго держати „замѣчательно всесторонне развитые армянскіе философы“—Деллингеры и Гіацинты: „гдѣ увидишь, молъ, хлѣбъ, тамъ и селись“. Значить, родина, отечество, обиталища дѣдовъ и отцовъ нашихъ—пустыя слова, одни звуки! Мы не обвиняемъ въ этомъ всѣхъ армянъ, но да будетъ извѣстно грамотеямъ-ученымъ ихъ, что иной разъ лучше сказать, нежели смолчать,—другой же разъ, сказавъ, повредишь дѣлу⁴⁹⁾.

V.

Мы уже видѣли, какъ мастерски воспользовались армянскіе книжники легковѣріемъ иностранца для рас-

⁴⁹⁾ Шота Руставели „Յոճախոր տխրեց Եղանք, չէր տխրեց, Յոճախոր տխրեցաւ զայնպէս ին“ . *Прим. перев.*

пространенія молвы и славы о величїи Арменїи. Посмотримъ теперь, сквозь какой строй они пронели передъ нимъ грузинъ. Не поступи такъ армянскїе ученые мужи, они бы не имѣли и заслугъ предъ своими компатріотами и не за что было бы имъ рукоплескать. По словамъ Кутули, прошлое Грузїи представляетъ весьма неутѣшительную картину: ослабленная дурнымъ управленїемъ, завистью другъ къ другу и междоусобїями, она, молъ, не имѣла покоя. Вѣрно, она не имѣла покоя, но не по тѣмъ только причинамъ, кои были внушены г-ну Кутули Арцруни и его „либеральной партїей“. Тѣ, которые посѣщали Грузїю и лично сами ее изучали, а не подъ руководствомъ армянскихъ ученыхъ мужей, которые самостоятельно потрудились надъ изученїемъ данныхъ, касающихся прошлой нашей жизни,—тѣ относятся къ намъ не съ такимъ пренебреженїемъ, какъ Кутули и его внушители. Напротивъ, они даже поражены,—какъ такое маленькое христіанское государство, такая маленькая нація могла выдержать столько войнъ съ варварами. „Не буди вообще грузины такимъ мужественнымъ, готовымъ жертвовать собою молодецкимъ народомъ,—это было бы немыслимо“,—говоритъ ученый знатокъ Востока Делорье, соотечественникъ Кутули. Да развѣ онъ одинъ говоритъ это! Но Арцруни, этотъ „всесторонне развитой философъ“, такъ опуталъ, такъ связалъ по рукамъ и ногамъ несчастнаго Кутули, что тотъ, окончательно сбившись съ толку, лишился возможности оглядѣться кругомъ, для выясненїя истины, и всецѣло отдался съ макушки до пятокъ лишь Арцруни и его клеветамъ. И вотъ Кутули въ продолженїе двухъ мѣсяцевъ билъ въ набѣтъ въ газетѣ „Temps“ о славіи и величїи армянъ, не шая

вѣстѣ съ тѣмъ ни нашего прошлаго, ни настоящаго, понося насъ на всѣ лады и даже почти отрицая всѣми признанное беззавѣтное мужество грузинъ. До настоящаго времени ученые философы армянъ не отказывали намъ въ храбрости, такъ какъ, по мнѣнію ихъ, храбрость—глупость, добродѣтель, присущая сумасброду-грузину („гижъ-враче“). Ну кто, молъ, кромѣ глупца, какой сумасбродъ подставитъ грудь пулѣ? А потому они безспорно признавали за нами эту добродѣтель, какъ признакъ глупости. Но, видно, армянскіе книжники-философы разсчитали, что подобная философія не подѣйствуетъ на такую личность, какъ Кутули, который принадлежитъ къ націи, считающей, не безъ основанія, храбрость качествомъ похвальнымъ. Вотъ причина желанія ихъ повредить намъ въ глазахъ Кутули и съ этой даже стороны.

Кутули оповѣщаетъ Еуропу, что въ исторіи Грузіи нѣтъ ничего, чѣмъ бы могъ народъ ея гордиться. Допустимъ, что въ продолженіе двухъ-трехъ дней пребыванія въ Тифлисѣ Кутули досконально ознакомился съ Грузіей и изучилъ всю прошлую исторію ея, такъ какъ онъ оказался „внимательнымъ слушателемъ хорошихъ разсказчиковъ“⁴⁴⁾.

Простимъ и отпустимъ разсказчику и слушателю грѣхи ихъ явнаго фиглярства и пронырства. Лучше ознакомимся съ тѣмъ, что вновь испеченные друзья-пріятели заставили выболтать этого несчастнаго француза о нашемъ настоящемъ. „Грузины составляютъ націю генераловъ, аробчииковъ и чалвадаровъ“⁴⁵⁾. —

⁴⁴⁾ Груз. пословица *Примѣч. переводчика*

⁴⁵⁾ Перевалчики въ-жовъ въ лошадахъ, мулахъ и ослахъ. *Примѣч. переводчика.*

сболтнуть умудренный мудрецами же выскочка. „Хотимъ, у нихъ много генераловъ, но они не славились извѣстностью“.

Поставить нашихъ генераловъ на одну доску с аробшиками и чалвадарами — какъ это иррациально? Выше вѣдь мы видѣли, съ какими шумами, трескомъ и звономъ, съ какими блаженствами застѣмали Кутули перечислять имена всѣхъ генераловъ-армянъ, — ну назвали бы въ числѣ ихъ хоть одного изъ грузинъ! И зачѣмъ было имъ это дѣлать? Тогда было бы, что „оръхъ грузина грохочеть, вата же ихъ, армянъ, не производить даже простаго шума“, а это шло бы въ разрѣзъ съ расчетомъ и желаніемъ армянскихъ философовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что наши генералы не нуждаются въ похвалѣ ни Арцруни, ни Кутули, равно ни въ защитѣ нашей. Башкадикляръ, Кюрюкъ-Диръ, Карсъ, Деве-бойну, Арларъ, Бегли-Ахметъ, Ардаманъ, Ахлцихъ, Чолокъ, весь Дагестанъ и вообще весь Кавказъ громко говорятъ объ ихъ славныхъ именахъ, и громкаго крика ихъ не заглушить хриплову пещку и музыкальнью армянскихъ мелкодушныхъ канжниковъ-грамотеевъ! Только тотъ можетъ цѣнить чужое достоинство, кто самъ обладаетъ имъ!

„Грузинское дворянство, — говоритъ Кутули, — разорено въ конецъ; они, грузины, крокъ волокитства, ничего не знаютъ и стремятся лишь поступить на государственную службу, такъ какъ такого рода служба представляетъ легкій трудъ“. Нѣтъ-де у нихъ способностей ни къ торговлѣ, ни къ ремесламъ, а если между ними и попадаются два-три купца, то и тѣ считаютъ деньги по армянски. Нѣтъ ничего удивительнаго, если они увѣрили Кутули, будто грузины не знаютъ даже

считать на своемъ родномъ языкѣ. Крестьяне-грузины пьяницы и лѣнтяи. „Они, молъ, не выкупили и части земли отъ землевладѣльцевъ“ и проч., и проч. Само собою разумѣется, при этомъ армянскіе книжники скрыли отъ Кутули то несомнѣнное обстоятельство, что уже тогда крестьянами-грузинами было выкуплено отъ помѣщиковъ своихъ въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ на полтора милліона рублей земли, какъ это видно изъ официальныхъ свѣдѣній ⁴⁶⁾. Конечно, тутъ итъ ничего особеннаго, но, тѣмъ не менѣе, армянскіе Деллингеры и философы скрыли это отъ Кутули, чтобы онъ не оповѣстилъ объ этомъ міру, опасаясь, что, пожалуй, это похвальное дѣяніе грузина впишется ему въ книгу живота, а армянамъ, молъ, какая отъ этого польза. По мнѣнію этихъ господчиковъ, „что для грузина здорово, то для армянина смерть“. Такимъ образомъ, они ложь сбыви за правду.

Много еще другихъ гимновъ пропѣли Кутули армянскіе философы въ угѣху и славу свою. Мы здѣсь не приводимъ всѣхъ ихъ, такъ какъ беседа наша и безъ того затянулась. Страните всего то, что продолжки армянскихъ грамотеевъ не долго оставались въ тайнѣ, и тотъ же самый Кутули скоро смекнулъ, что за гуси эти хваленые армяне на Кавказѣ. Дѣло въ томъ, что пока Кутули оставался въ Тифлисъ и вертѣлся среди нихъ, угорѣлый, въ какомъ-то чаду, онъ не уставалъ восхвалять ихъ, но когда ему случилось побывать въ Эриванской губерніи и собственными глазами присмотрѣться къ нимъ на собственномъ же ихъ пепелищѣ, то задалъ же онъ имъ трезвону! Про-

⁴⁶⁾ См докл Кучаева

пѣли имъ пѣсенку! „Армяне, молъ, на родинѣ своей вообще трусы, неучи, ненѣжны и равнодушны къ судьбѣ своей родины“.

Итакъ, какъ видно, они окликаются и ученики, и народомъ, заботящимся о судьбѣ своей, храбрымъ только тамъ, гдѣ они, по ихъ собственной посылницѣ, мушкетерамъ запахъ хлѣба.

Не объ этомъ-ли сказано: „Речь твоя обличаетъ тебя“? ⁴⁷⁾

Такимъ образомъ, Арцруни и его „либеральный“ цехъ заставили европейскую газету прокричать, что грузинамъ, и духовно, и физически обезсиленнымъ, и вмѣстѣ съ ними кавказскимъ татарамъ другого исхода не остается, какъ или объармяниться, или пойти въ рабы къ нимъ. На подмогу къ этимъ ученымъ мужкамъ, для приданія болѣе силы, убѣдительности и для усиленія ихъ арміи, присоединился къ нимъ одинъ генераль-армянинъ, нынѣ покойный, Кишмишевъ. Безъ генерала вѣдь армія не армія! А чтобы не отставать отъ себѣ подобныхъ грамотеевъ-ученыхъ, и онъ пустился на носить намъ удары. Генералъ Кишмишевъ написалъ сочиненіе, изданное послѣ его смерти радѣтелями славы его, подъ заглавіемъ „Послѣдніе дни Грузинскаго царства“. Какъ славно покойный Кишмишевъ честить насъ, полагаю, всякій читаль. Въ концѣ XVIII ст., — изволить говорить Кишмишевъ, — „Г, яя уподобилась выброшенному на берегъ кораблю, откуда, кто былъ посылнѣе, могъ брать все, что угодно. Голодныхъ царевичей, молъ, и князей содержали и кормили лавочники и купцы“ ⁴⁸⁾.

⁴⁷⁾ Матеей, 26 гл., 73 ст. *Примѣч. перевод.*

⁴⁸⁾ См. соч. Кишмишева „Послѣдніе годы Грузинскаго царства“, стр 112—113. *Примѣч. переводчика.*

зію. Даже самъ побѣдоносный Ага-Магометь-Ханъ не дерзнулъ урвать отъ нея что-нибудь. Правда, послѣ Ираклія мы ослабѣли, обезсилѣли отъ внутреннихъ смуть, но кормила корабля мы изъ рукъ все еще не выпускали и не дали волнамъ житейскаго моря разбить его и выбросить на берегъ. И царь Георгій въ какомъ состояніи получилъ Грузію отъ отца, въ такомъ же и вручилъ ее Россіи, во всей цѣлости, — будь-де покровительницею и защитницею единоувѣрнаго тебѣ народа.

Повѣримъ, пожалуй, сказанію Кишмишева, что „Грузія уподобилась выброшенному на берегъ кораблю“, щадя прелесть нарисованной имъ поэтической картины нашего безсилія. „Царевичей и князей нашихъ, по его словамъ, кормили тифлисскіе лавочники“. Ну, а это что такое? Что это за фраза? Кто и по чьей милости здѣсь, въ Грузіи, кормится и кормился прежде, — пусть вѣлаютъ это Великій Сердцевѣдецъ, прозорливая совесть и злая неблагодарность людская. Положимъ, мы были бѣдны и такими же и нынѣ остаемся, но что изъ этого? „Если меда не было, то почему же столько мухъ налетѣло изъ Багдада?“⁴⁹⁾ Если не было лѣба, почему они, армяне, сѣли, поселились здѣсь вопреки ихъ пословицъ? Ужъ гдѣ такая перекатная голь, гдѣ не можетъ существовать торговля и нечѣмъ такъ супцамъ набить ненасытную свою, утробу. Видно, Грузія не такъ уже нищенски была бѣдна, какъ увѣряютъ всѣхъ армянскіе книжники, такъ какъ могла содержать не только себя, но и откармливать другихъ до

⁴⁹⁾ Грузинская пословица, гласящая буквально: „Лишь бы была медь, а муха прилетитъ даже изъ Багдада“ — „თუცა რაიმე მონეტა იქნება, ანუ მუხა ბაგდადისაგან მოვლენა“ *Примп. переводчика.*

Милый человекъ, хотъ бы онъ вспомнилъ, что вся почти послѣдняя половина XVIII в. была ерсиме ния царствованія Ираклія и что за этотъ періодъ времени этотъ знаменитый царь стяжалъ себѣ славу побѣдами своими надъ врагами. Даже Эриванъ и Елисаветполь, главные очаги армянъ, платили ему подать, не говоря уже о томъ, что почти всѣ ближайшіе ханы были у ногъ могущественнаго царя и что даже сама Россія не чуждалась содѣйствія его во время войнъ съ Турціею. Царь Ираклія соединилъ въ одно царство съ давняго времени разсѣдиненныя Карталинію и Кахетію, и Имеретія тоже пожелала присоединиться, быть подъ его скипетромъ, — но внутреннія скуты и колебанія помѣшали въ этомъ престарѣлому, но все еще бодрому и побѣдоносному царю. Въ то время, когда царь ея былъ настолько могущественъ, могла-ли Грузія быть такой безпомощною и „походить на корабль, выброшенный на берегъ“? Мы не можемъ сказать, что во время царя Георгія, т. е. послѣ 1792 года, Грузія находилась въ особенно счастливомъ положеніи, но и не въ такомъ безпомощномъ, чтобы всякій могъ рвать ее на куски. Равно нѣтъ никакихъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы заключить, что тотъ или другой урвалъ что-нибудь отъ Грузіи и что она въ послѣдніе годы XVIII ст. такъ уже была терзаема, какъ то желательно было покойному Кишмишеву.

Правда, царь нашъ Ираклія состарился, правда, въ послѣдствіи онъ былъ даже побѣжденъ Ага-Магометь-Ханомъ, а послѣ (въ 1789 г.) навсегда простился съ любимою своею Грузіею; правда и то, что она лишилась надежнаго защитника, но до того мы не доходили, чтобы всякій, отъ мала до велика, рвалъ на куски Гру-

отвала. Должно быть, было за душою что нибудь у голи-перекатной, чтобы, давъ себя пощипать, еще нагулять себѣ жира.

И что за нелѣпый укоръ: ты, моля, голякъ, нищій?! Что это за порокъ такой, чтобы постоянно колоть имъ глаза и неустанно трубить о немъ въ трубы? Что позорнаго въ бѣдности, хотя, правда, и благополучія въ ней нѣтъ?! Русскіе говорятъ: „бѣдность не порокъ“. Развѣ мѣриломъ человѣческаго достоинства служить одно только богатство и ничего больше? Иисусъ Христосъ былъ бѣденъ, ходилъ босый, ничѣмъ не прикрывая головы. А между тѣмъ весь просвѣщенный міръ почитаетъ Его за Бога! Значить, не одно богатство составляетъ достоинство и славу человѣка,—необходимо, оказывается, имѣть еще кое-что для этого, а именно то, чего, къ несчастію людей, недостаетъ у многихъ мѣстныхъ богачей. Чего ради, наконецъ, пристають къ намъ съ ножомъ къ горлу и все корятъ насъ: „вы бѣдны, а мы, моля, богаты!“ Бѣдность—не порокъ и не грѣхъ. Позорно и грѣшно кормиться выпеченнымъ чужими руками хлѣбомъ и запивать его чужимъ потомъ. И тотъ, кто запечатлѣлъ эту истину въ сердцѣ своемъ, какъ свой завѣтъ и свою заповѣдь, пусть покается въ своемъ грѣхѣ, пусть смоетъ свой позоръ. Лучше ѣсть сухой хлѣбъ, но свой, нежели смоченный чужимъ потомъ.

Хорошо еще, спасибо покойному генералу Кишмишеву, что онъ хоть называлъ Грузію царствомъ и не лишилъ нашей оскорбительно обезличенной Грузіи этого болѣе или менѣе почетнаго титула. Другимъ армянскимъ книжникамъ-грамотеямъ и этого жаль для насъ, какъ будто они обидѣлись, что г. Кишми-

шесть, этотъ армянскій человекъ, дерзнулъ помянуть почетнымъ названіемъ Грузію и грузинъ. Хотя въ настоящее время и малый ребенокъ знаетъ, что Грузія извѣстна была какъ царство и правители ея какъ цари, но въ послѣднее время выступилъ на арену новый армянскій ученый-книжникъ, Г. А. Эзовъ, и лишилъ нашу страну этого титула, а съ головъ царей нашихъ сорвалъ царскую корону, какъ будто и корона, и титулъ были пожалованы Грузіи и царимъ ея генераломъ Кишишесвымъ или родоначальникомъ г. Эзова.

Мы говоримъ это не безъ основанія. Г. Эзовъ въ послѣднее время издалъ довольно объемистое сочиненіе, подъ чрезвычайно громкимъ названіемъ: „Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“. Какъ же! Если ужъ кричать, такъ кричать! Пустивъ такую ракету, искусившійся въ подобныхъ выходкахъ ученый сталъ честить нашу Грузію и царей ея. Въ этомъ обширномъ трудѣ своемъ онъ окрещиваетъ Грузію въ персидское ханство, царей же ея величаетъ ханами, чѣмъ, очевидно, и хотѣтъ сказать: кто вамъ сказалъ, что Грузія была царствомъ, а правители ея царями?

Положимъ, Господь Богъ не надѣлилъ г. Эзова даромъ истиннаго ученаго—любовью къ правдѣ настолько, чтобы изслѣдовать этотъ вопросъ по сочиненіямъ иностранныхъ писателей, но, по крайней мѣрѣ, прочелъ бы онъ хоть своихъ армянскихъ авторовъ! Какой стихъ нашелъ на него, что онъ такъ растерялся? Ужъ не говоря о чемъ-либо иномъ, онъ долженъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, устыдиться армянскихъ историковъ!.. Не говоря о Моисѣй Хоренскомъ, развѣ Степанозъ Асогика и Аридагесъ Ласдинеръ въ

XI ст., Маттеозъ Эдесскій въ XII в., Варданъ Великій въ XIII в. и многіе другіе не называютъ Грузію царствомъ, а правителей ея—царями, восторженно повѣствуя о заботахъ грузинскихъ царей, облагодѣтельствовавшихъ армянъ и ихъ монастыри?! Подѣломъ намъ, подѣломъ!

Слыхано ли подобное поруганіе и глумленіе надъ знаніемъ, такой подлый обманъ со стороны ученаго!? Совершенно справедливо, что въ настоящее время не важно для насъ допытываться—была ли Грузія царствомъ или нѣтъ. Это дѣло прошлое. Въ настоящемъ же—„одно имѣю“ лучше, чѣмъ „имѣлъ тысячу“ въ быломъ. И если мы приводимъ такой образецъ научной добросовѣстности г. Эзова, пропитанной ядомъ и злобою, то мы дѣлаемъ это исключительно для того, чтобы читателю ясно было, какъ эти любезные книжники строго и неуклонно отъ начала до конца тянутъ одну и ту же канитель. Какъ бы грузина обезславить, гдѣ бы его унижить, оскорбить, лишить всякаго достоинства, если таковое за нимъ водится, и превратить его въ глазахъ всего свѣта ни во что—вотъ ихъ единственное желаніе. Какъ будто въ гибели нашей спасеніе армянъ, какъ будто не уготовано Господомъ Богомъ ничего другого для ихъ благополучія.

Г. Эзовъ грубо, хитро, ненаучно, неумѣло, искусно ухищряется показать всѣмъ бѣлое чернымъ. Самъ намѣренно закрывая глаза, загибая уши, онъ воображаетъ, что и всѣ другіе тоже ослѣпли, оглохли и не въ состояніи понять жонглёрства, продѣлокъ его. А вѣдь г. Эзовъ какъ будто человѣкъ ученый, просвѣщенный! Но не думаемъ, чтобы истинно ученый и просвѣщенный человѣкъ позволилъ себѣ то, что онъ

позволяетъ. Права пословица: „не побѣлѣть ворону, какъ ни три его пескомъ“ ⁶⁰⁾. Не довольствуясь тѣмъ, что лишилъ страну нашу присвоеннаго ей издавна титула, разжаловалъ царей нашихъ, превративъ ихъ въ персидскихъ чиновниковъ, г. Эзовъ взялся и за всю грузинскую націю и давай сдирать съ нея шкуру въ своемъ пресловутомъ произведеніи. Еще бы! Развѣ можетъ грамотей-армянскій ученый такъ стряхнуть съ себя пыль, чтобы не обдать ею насъ?

Гдѣ только было сказано что-либо во вредъ грузинамъ—все это съ какимъ-то злорадствомъ собрано г. Эзовымъ и брошено имъ намъ въ лицо. Все же сказанное въ нашу пользу, по обыкновенію полюбимыхъ армянскихъ книжниковъ, похвально утаено. „Привычка—вторая натура“, и г. Эзовъ не настолько храбръ, чтобы измѣнить ей. Вотъ что, по увѣренію г. Эзова, Шарденъ говоритъ о грузинахъ: „Они порочны, пьяницы, развратны, безчестны, не господа своего слова, вѣроломны и измѣнники, пронырливы. Въ пьянствѣ и развратѣ духовныя лица не уступаютъ свѣтскимъ и вовсе не считаютъ за стыдъ имѣть наложницами красивыхъ рабынь“ ⁶¹⁾.

Быть можетъ, и это правда,—не будемъ объ этомъ спорить съ ученымъ г. Эзовымъ. Только спросимъ его: тотъ же самый Шарденъ ничего—кромя этихъ гадостей—не говоритъ о грузинахъ? Пусть онъ, подложивъ честную свою руку на сердце, отвѣтитъ! Развѣ не тотъ же самый Шарденъ говоритъ, что гру-

⁶⁰⁾ Грузин. послов. „*ნა ვაჟთაჲსა უჩაბი, სა ვაბე
სა ვაბე ჯუბათ*“. *Примѣч. перс.*

⁶¹⁾ См. Эзова: „Свош. Петра В. съ арм. нар.“, стр. IX. *Примѣч. перс.*

зины не лишены способностей и что, будь у них руксводители, они приобрѣли бы извѣстность въ наукахъ и искусствахъ? Развѣ не тотъ же Шарденъ пишетъ, что грузины вѣжливы, привѣтливы, обладаютъ чувствомъ собственнаго достоинства, могущественнѣе армянь, непоколебимо храбры и самоотверженные борцы за свою свободу, независимость?

Если только г. Эзовъ не желалъ поносить насъ, если онъ не жаждалъ только опозорить насъ, то развѣ кромѣ Шардена никто ничего не говоритъ о грузинахъ? Почему онъ утаилъ все это, если только желалъ всесторонне изслѣдовать всѣ хорошія и дурныя стороны нашего существованія и если находилъ нужнымъ говорить обо всемъ этомъ тамъ, гдѣ повѣствуется „о сношеніяхъ Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“? Вотъ, наприм., что пишетъ о насъ славный Боденштедтъ, который долгое время прожилъ въ Грузіи, а не былъ въ ней, подобно Шардену, лишь по пути, мимоходомъ: „грузинъ безпечень, не думаетъ о завтрашнемъ днѣ, не особенно цѣнить земныя блага, не имѣетъ неутолимой жажды къ приобрѣтенію,—почему торговля преимущественно находится въ рукахъ армянь. Зато грузины,—говоритъ онъ,—всѣхъ нравственнѣе и честнѣе въ этой странѣ. Они чрезвычайно гостеприимны, какъ и прочіе кавказцы, надежны, какъ жечъ ихъ, проворны и ловки, какъ кони ихъ, храбры на войнѣ, у себя вѣжливы и пріятны“⁵⁴⁾.

Конечно, ничья похвала ничего не прибавитъ намъ, не дастъ того, чего у насъ нѣтъ, точно также

⁵⁴⁾ См. Боденштедтъ: „Кавказ. народы“. Мюнхенъ. 1847 г., по франц. переводу стр. 202—302.

какъ отъ хулы г. Эзова мы ничего не потеряемъ и не лишимся того, что имѣемъ. А если мы обращаемъ вниманіе читателя на эти продѣлки и передержки г. Эзова, то для того лишь, чтобы показать, куда онъ иѣтитъ, замалчивая все о насъ хорошее и трубя въ трубы о дурномъ. „Шила въ иѣшкѣ не утаишь“, и преднамѣренности такого ученаго, какимъ оказался г. Эзовъ, не скроешь.

У него при одномъ упоминаніи имени грузина выдѣляется ядъ, который, не имѣя другого исхода, долженъ излиться. А вѣдь говорятъ, что онъ чловѣкъ съ образованіемъ! Если образованіе настолько безсильно, что не въ состояніи внушить чловѣку, что въ ученое мѣрѣ нельзя сбивать фиглярство, какъ фальшивую монету на базарѣ, то да сохранить Господь такое образованіе за обладателемъ его, а насъ избавить и отъ такого образованія, и отъ такихъ просвѣтителей! „Кто обладаетъ фонаремъ Діогена, тотъ долженъ имѣть также и его посохъ“, иначе говоря— нравъ его. Невоспитанный нравъ—не посохъ, а несчастіе. Не даромъ говоритъ Боссюэтъ: „Остерегайтесь и берѣгитесь нрава своего. Нравъ—такой врагъ, который преслѣдуетъ васъ повсюду до могилы“.

VI.

Г. Эзовъ не довольствуется одними этими удивительными продѣлками. Съ цѣлью еще болѣе повредить доброму имени грузинъ, онъ приводитъ другого свидѣтеля. Такимъ свидѣтелемъ является у него ганжакарабахскій патріархъ, покойный Исаія. Для достойной оцѣнки показанія этого почтеннаго свидѣтеля и про-

дѣлки г. Эзова, необходимо начать бесѣду издалека и вспомнить маленькій эпизодъ изъ исторіи Закавказья.

Давно Персія обращала на себя особенное вниманіе Императора Петра Великаго, и завѣтною мечтою его, между прочимъ, было открыть въ ней путь къ расширенію торговли и вліянія Россіи. Пока продолжалась война со шведами, дальновидный Императоръ, конечно, не могъ осуществить своей идеи, но когда Ништадтскимъ миромъ 30-го августа 1721 г. положенъ былъ конецъ войнѣ со шведами, Петръ сталъ энергичнѣе готовиться къ приведенію въ исполненіе своего давнишняго намеренія—пойти войной на Персію. Весь Ганжа-Карабахъ тогда былъ въ рукахъ Персіи, и тамошніе армяне, притѣсняемые персіянами, старались какъ-нибудь избавиться отъ нихъ и съ этой цѣлью завязали сношенія съ Петромъ Великимъ. Между прочимъ, посланъ былъ къ Императору монахъ Минасъ. Монахъ этотъ былъ какъ бы прямымъ посредникомъ въ самой Россіи между императорскимъ правительствомъ и армянами. Ему было поручено армянами обѣщать передачу Россіи Ганжи-Карабаха, и Петръ Великій воспользовался этимъ случаемъ, какъ поводомъ къ началу дѣйствій.

Мудрый Императоръ предусмотрѣлъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ можетъ воспользоваться и помощью грузинъ, такъ какъ Грузія тоже тяготилась близкимъ соседствомъ съ Персіей и не прочь была-бы изгнать персіянъ изъ Ганжи-Карабаха. Нечего и говорить, что грузинамъ, какъ единовѣрцамъ русскихъ, выгоднѣе было имѣть сосѣдями ихъ, нежели персіянъ. Петръ Великій отлично зналъ это, а потому обѣщалъ армянамъ и далъ знать грузинамъ, что „придетъ со своимъ войскомъ и чтобы они были наготовѣ“. Кстати, представился къ

тому и отличный поводъ. Въ это время лезгини и казикумухцы, по приглашенію шемахинскихъ мусульманъ, напали на Шемаху, взяли ее, разграбили, при чемъ напали на лавки русскихъ купцовъ, побили торговцевъ и овладѣли ихъ товарами, — по доносенію одного русскаго чиновника ⁴³⁾ Петру Великому, цѣнностью въ 500 тысячъ рублей.

Узнавъ объ этомъ, Петръ Великій немедленно написалъ царю Вахтангу, что двинется изъ Астрахани, а „вы, для пользы христіанства, по ревностному своему обѣщанію, съ вашими войсками къ намъ будете“. Устно же, черезъ посламинаго ⁴⁴⁾, Петръ совѣтовалъ Вахтангу напасть на лезгинъ. Вахтангъ съ войскою, числомъ до 30 тыс., двинулся на лезгинъ, которые при приближеніи его бѣжали. Дабы персіяне не догадались, въ чемъ дѣло, и не приготовились для отраженія, всену этому движенію Вахтанга придали видъ, будто оно вызвано было исключительно желаніемъ наказать жителей-суннитовъ призвавшихъ лезгинъ. Это вторженіе лезгинъ, какъ суннитовъ, несприятно было самимъ персіянамъ, какъ шиянтамъ, потому то они и остались даже довольны дѣйствіями Вахтанга. По окончаніи дѣла съ лезгинями, Вахтангъ, ожидая Петра Великаго изъ Астрахани, сталъ лагеремъ подъ Ганжеею. Какимъ-то дѣломъ потребовали однако присутствія Петра Великаго внутри Россіи, онъ выступилъ изъ Астрахани и вернулся въ Россію, давъ знать Вахтангу, что дѣло отлагается до слѣдующаго года. Разочарованный въ ожиданіяхъ своихъ, Вахтангъ вернулся въ Тифлисъ. Патриархъ

⁴³⁾ Воляскаго. См. Эзова: „Свошвія Петра Вел. съ ар. в.“, гл. V, стр. LII. *Примоч. переводчика.*

⁴⁴⁾ Туркеставова. *Идеи*, стр. LIII. *Примоч. переводчика.*

венствомъ въ облаченіи, съ крестами и свѣчами, при звонѣ колоколовъ, но грузины наклидывались на нихъ, отнимали облаченіе, церковныя книги и утварь и все имущество; такимъ образомъ, все, уцѣлѣвшее отъ лезгинъ, — пишетъ патріархъ Исаія, — уничтожила жадная, ненасытная и безжалостная нація грузинская¹⁷⁾.

Такъ, оказывается, однако, пишетъ патріархъ Исаія не къ монаху Минасу, а въ своей краткой исторіи. Не слѣдуетъ и этого забывать. Какъ видно, исторія армянскихъ ученыхъ — одно, а правда и истина — другое. И это мы ниже увидимъ.

Можетъ быть и правда, что грузины и были, да и теперь еще — жадны, ненасытны и жестоки. Можетъ быть и то правда, что грузины ограбили армянъ, отобрали и оскорбили духовенство ихъ, не пощадили ни церковныхъ книгъ, ни священной утвари и, такимъ образомъ, надругались надъ вѣрой ихъ. Но только одно удивляетъ насъ: почему патріархъ Исаія не сообщил о такомъ хищническомъ поступкѣ монаху Минасу тогда, когда онъ писалъ о дѣяніяхъ Вахтанга и когда они, какъ происшествіе вчерашняго дня, должны были чувствоваться сильнѣе, нежели тогда, когда онъ писалъ исторію, — т. е. тогда, когда время успѣло умѣрить и смягчить впечатлѣнія этихъ дѣяній? Развѣ отъ избытка чувствъ уста не должны были говорить сильнѣе тогда, когда сердце было полнѣе горемъ и гнѣвомъ? Оставимъ и это! Но этотъ самый духовный владыка и покровитель армянъ, ихъ главарь, знатнѣйшій человекъ, этотъ глава пастырей ихъ, послѣдовалъ, по словамъ того же Эзоя, „за жаднымъ, ненасытнымъ“.

¹⁷⁾ *Исаія*, стр. LIII. *Примѣч. переводчика.*

Исаія писалъ вышеупомянутому монаху Минасу въ Россію объ этомъ движеніи Вахтанга на лезгинъ и сообщалъ, что „Вахтангъ прибылъ съ 30 тыс. войскомъ и двинулся на лезгинъ, что онъ, Исаія, съ нимъ былъ и что, какъ только они приблизились, лезгинны удалились“. Затѣмъ Вахтангъ, потерявъ надежду на прибытіе Петра Великаго, „возвратился въ Тифлисъ; съ нимъ поѣхалъ туда и патріархъ Исаія и оставался тамъ четыре мѣсяца“⁵⁵⁾. Въ этомъ же письмѣ Исаія сообщаетъ монаху Минасу, что онъ (Вахтангъ) „намѣренъ въ послѣднихъ числахъ сего сентября мѣсяца, собрався съ войски своими и съ армяны, итти паки къ Генгѣ“, что „грузинцы и армяне нимѣ всѣ въ единодушномъ соединеніи пребываютъ и надежды никакой, кромѣ Его Императорскаго Величества, не имѣютъ и его токмо избавленія ожидаютъ, и ты старайся“⁵⁶⁾.

Двинулся-ли вторично Вахтангъ, или нѣтъ, оставимъ этотъ вопросъ. Г. Эзовъ, съ своей стороны, по поводу перваго похода Вахтанга, вотъ какъ честитъ грузинъ: „Вахтангъ, желая наказати жителей-суннитовъ, призвавшихъ лезгинъ, разрѣшилъ своему войску сдѣлать нападеніе на мѣстное мусульманское населеніе, *строго воспретивъ касаться христіанъ*. Но войны, рассыпавшись по всѣмъ окрестнымъ мѣстностямъ до рѣки Тертера, произвели страшное опустошеніе и возами отправляли награбленное въ свой лагерь; они грабили не только магометанъ, но и христіанъ. При приближеніи войска къ армянскимъ деревнямъ, населеніе обыкновенно выходило навстрѣчу во главѣ съ духо-

⁵⁵⁾ *Idem*, стр. LIII. *Примѣч. переводчика.*

⁵⁶⁾ *Idem*, стр. LIV, LV. *Примѣч. переводчика.*

и безжалостнымъ народомъ“ Вахтанга, отдався подъ покровительство грузинъ и цѣлыхъ четыре мѣсяца провель въ нихъ столицѣ, Тифлисѣ. Какъ вѣрить намъ исторіи патріарха Исаи, когда такой фактъ у насъ налицо? Съ одной стороны, надо предположить, что онъ питалъ большую любовь къ своему народу, большое уваженіе и къ вѣрѣ своей паствы, къ духовенству, что рѣшился сопровождать и отдаться покровительству народа, бывшаго грабителемъ, разорителемъ, оскорбителемъ духовенства и вѣры армянь; съ другой стороны, надо полагать, что онъ былъ очень храбръ, что рѣшился отдаться „жадному, ненасытному и безжалостному войску или народу“. Если только дѣйствительно съ ними, армянами, поступлено было такъ ужасно и недостойно, то какъ могло его тянуть къ такому вѣроломному и жестокому народу, чтобы сдѣлать ему честь и сопровождать его? Какой отвѣтъ онъ могъ-бы дать рабленнымъ, разореннымъ и обезчещеннымъ армянамъ, когда онъ позволялъ себѣ относиться съ такимъ довѣріемъ и уваженіемъ къ грабителямъ, разорителямъ и поносителямъ вѣроисповѣданія своей паствы?

Сопоставьте-ка, съ одной стороны, этотъ разгромъ армянь, глумленіе надъ нихъ вѣрою, ограбленіе ихъ духовенства, поруганіе священныи и церковной утвари, а съ другой—такое пріятельское отношеніе армянскаго патріарха къ разорителямъ и оскорбителямъ и разсудите, и вы придете къ такому заключенію: „влятъ-тѣ вѣрю, но хвостъ удивляетъ меня“⁶⁸). Развѣ мыслимо первое при существованіи второго и наоборотъ?!

⁶⁸) Груз. пословица: „ფეცი სწამს, ბოლო მკვირვებდა“. *Примѣч. перво.*

Но какое до этого дѣло г. Элову? Онъ обругалъ грузинъ, ссылаясь на патріарха Ислію. Чего больше требовать и ожидать отъ армянскаго книжника?!

Если дѣйствительно правда, что такъ скверно показали себя грузины и такъ расправились съ армянами и ихъ духовенствомъ, то зачѣмъ тотъ же самый правдивый патріархъ Ислія пишетъ монаху Минасу, какъ радостную вѣсть, что царь „Вахтангъ намѣревается итти паки съ войски своими къ Генжѣ и ты, съ своей стороны, старайся тамъ, въ Россіи“? Развѣ такъ радостно было ожидать вновь вторженія такого войска, которое въ первый разъ до чиста ограбило и разорило армянъ и содрало шкуру съ его духовенства? Забудемъ однако и это.

А чему приписать то, что тотъ же самый Ислія клянется Минасу, что теперь армяне и грузины-де души другъ въ другѣ не чаютъ? Какимъ чудомъ такъ быстро жадный, ненасытный и безжалостный грузинскій народъ соединился душой и тѣломъ съ армянами?! Неужели грузины такъ скоро измѣнили свой отвратительный нравъ, а армяне такъ скоро повѣрили, что грузины бросаютъ эту жадность, ненасытность и жестокость?

Монахъ Минасъ ни въ одномъ своемъ донесеніи, представленномъ Петру Великому, ни однимъ словомъ не выражаетъ своего недовольства на грузинъ. Напротивъ, въ одномъ изъ нихъ, между прочимъ, онъ отмѣчаетъ: „изъ Тифлиса намъ пишутъ, что очень довольны Вахтангомъ: съ нами, армянами, онъ обрѣщается съ большою любовью и милостью“¹⁰⁾.

¹⁰⁾ См. письмо Минасы 1723 г., декабря 9-го.

Какъ г. Эзовъ поступилъ съ этими двумя взаимно противорѣчащими свидѣтельствами? Въ длинномъ случаѣ истинный ученый сдѣлалъ-бы одно изъ двухъ: или не повѣрилъ-бы ни одному изъ нихъ, если бы уже червчуръ осторожно заботился поступить, или же, если бы сослазся на одного, то привелъ бы свидѣтельство и другого.

Г.-же Эзовъ поступилъ такъ, какъ не слѣдовало поступать. Онъ заставилъ говорить кулителя грузинъ, хвалившаго-же ихъ наиѣренно заставилъ молчать. Какъ назвать такой поступокъ его, мы не знаемъ, но ясно одно, что какъ дипломъ не дѣлаетъ ученаго, такъ и рвса—монаха и „тыквѣ не быть хрустальнѣ, какъ бы высоко ни поставить ее на полкѣ“⁶¹⁾.

Все такъ, но, полагаемъ, не будетъ неуѣстимъ, если мы спросимъ: положимъ, грузини, къ вѣшшему удовольствію Эзова, совѣтъ мерзкій народъ; но причемъ мерзость грузинъ тамъ, гдѣ идетъ рѣчь „о сношеніяхъ Петра Великаго съ армянскими народами“? Что общаго между мерзостью грузинъ и этими „сношеніями“? Не было другого исхода сиюнѣ бѣшенства? Къ чему приплетено г. Эзовымъ повѣствованіе о мерзостяхъ грузинъ? Для чего Эзову понадобилось это? Очевидное дѣло — для того, что, пожалуй, судьба не удостоитъ его другой разъ такого случая—лягнуть любимыхъ имъ

⁶¹⁾ Вольный переводъ грузинской поговорки, гласящей слѣдующее: „Тыквѣ не быть широкимъ стекломъ, ставь ее хоть на самой высокой полкѣ“, — გოგრა ვერ გარდევს ზე-
დასა ვერს ახუ გინდა მ-ღლა თანხვედ უხედა. *Прим.
თქმა.*

Положимъ, что, изъ-за политическихъ соображеній, Минасъ скрылъ отъ Петра Перваго злодѣяніе грузинъ, но что-же заставляло его разсыпаться въ благодарности имъ?!

Справедливо, что монахъ Минасъ былъ далеко и, — вещь возможная, — не могъ ничего знать объ этихъ злодѣяствахъ грузинъ, архіепископъ-же армянскій Минасъ Первазіанецъ присутствовалъ и былъ очевидцемъ, когда Вахтангъ напалъ на лезгинъ и прогналъ ихъ. Архіепископъ не только не упрекаетъ грузинъ въ этихъ злодѣяніяхъ, но даже отзывается о нихъ съ благодарностью, говоря: „Господь Богъ нашъ послалъ намъ Вахтанга пастыремъ и господиномъ. Онъ покровительствовалъ намъ и защищалъ насъ, прогнавъ враговъ нашихъ, и, сплотивъ армянъ, оберегаетъ и лично заботится о насъ“⁸⁰).

Этотъ армянскій архіепископъ былъ въ то время въѣздъ съ Вахтангомъ въ Гамжѣ и оттуда съ патриархомъ Исаіей сопровождалъ его въ Тифлисъ. Слѣдовательно, эти армянскія высокопоставленныя духовныя лица оба были очевидцами всѣхъ тогдашнихъ дѣяній грузинъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ: „жадные, ненасытные и безжалостные грузины совершенно ограбили армянъ и недостойно обошлись съ нашею вѣрою“, второй-же вспоминаетъ ихъ съ благодарностью и считаетъ Божьею благодатью, что царь Вахтангъ явился покровителемъ и защитникомъ ихъ, избавилъ ихъ отъ враговъ, печется о нихъ и бережетъ ихъ.

Нечего и говорить, что Вахтангъ оказалъ армянамъ всѣ эти благодѣянія при помощи и содѣяствіи свое о народа, иначе, одинъ что бы онъ могъ сдѣлать?!

⁸⁰) Письмо Минасы Первазіанца 1722 г., декабря 12-го.

грузинами, отделился отъ нихъ, чтобы честь побѣды надъ турками осталась только за нимъ. Затѣмъ онъ рядъ интригъ, началъ обращаться и съ Иракліемъ, и съ Соломономъ высококонѣрно, невнимательно относясь къ достоинству образцовъ. Затѣмъ онъ кинжаломъ Ираклію и бросилъ его за дѣль до асвиндзскаго боя и, чтобы оправдать себя въ глазахъ Императрицы, дѣлалъ ей ложные доносы, понося какъ самого Ираклія, такъ и весь его народъ.

Что за человекъ былъ этотъ Тотлебенъ, какъ онъ велъ себя, какъ грабилъ всекъ отъ малъ до велика, какъ грубо обращался съ царями грузинскими, какъ набивалъ свой карманъ и какъ содержалъ доверенное ему русское войско, оставляя его безъ пищи и одеждъ,— въ томъ ясно можно убѣдиться изъ разсмотрѣнія посланныхъ въ Россію официальныхъ донесеній Языкова и Львова⁶²⁾, вслѣдствіе коихъ Тотлебенъ отозванъ изъ Грузіи и на его мѣсто назначили генерала Сузотина⁶³⁾. Генералъ Сузотинъ представилъ Императрицѣ въ такомъ же видѣ поступки и дѣянія Тотлебена. Что за человекъ былъ Тотлебенъ, видно еще и изъ того, что онъ за дурное и порочное поведеніе былъ изгнанъ изъ предѣловъ своей родины—Германіи. Онъ успѣлъ однако какими-то путями умолить Императрицу Елисавету Петровну принять его на службу,—и вотъ пожалованы были ему чинъ генералъ-майора и званіе корпуснаго командира. Офицеры внутренняго ему корпуса, узнавъ объ его предательствѣ и извѣстѣ, съхватили его и представили правительству.

⁶²⁾ См. А. Я. Цагарали: „Грамоты и другіе ист. док. XVIII стол., относящіяся къ Грузіи“, т. I, стр. 184, 247, 269 и др.

⁶³⁾ Мрр, стр. 484.

братьевъ-грузинъ. Какъ же не соблазниться и упустить такой счастливый случай совершить злѣтний для армянъ подвигъ?

Если все это не такъ, то какой же причиною и логикой можно объяснить еще другое странное обстоятельство,—что г. Эзовъ въ книгѣ, озаглавленной имъ „Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“, задѣваетъ и царя Ираклія и повѣствуетъ о дѣяніяхъ гр. Тотлебена? Что тутъ общаго? Какое отношеніе между Петромъ Великимъ, Иракліемъ и гр. Тотлебенемъ? Дѣло въ томъ, что г. Эзовъ, не узнавъ броду, полѣтъ въ воду. Спросите его, для чего онъ вклеилъ личность времени Екатерины Великой въ сочиненіи „о сношеніяхъ Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“? Это очень легко объяснить, если вспомнить опять-таки того же „Али, у котораго на умѣ только пловъ“. Для г. Эзова грузинъ служитъ лишь мишенью, такъ какъ же ему утерпѣть, чтобы не забросать его комками грязи, если только представляется къ тому возможность. При этой цѣли Тотлебенъ—пріятная и подходящая для г. Эзова личность, и самое упоминаніе объ Иракліи дастъ ему, случай недостойно отозваться и объ этомъ знаменитомъ нашемъ царѣ.

Всѣмъ извѣстно, что когда Екатерина Великая начала воевать съ турками, то общала Ираклію и имеретинскому царю Соломону помощь изъ деньгами и войскомъ, если они тоже пойдутъ на турокъ. Цари съ радостью изъявили свое согласіе, и Екатерина прислала въ Грузію деньги и 4,000 войска подъ начальствомъ генерала Тотлебена. Тотлебенъ прибылъ съ деньгами и войскомъ и вѣсто того, чтобы, согласно приказанію Императрицы, дѣйствовать вѣстѣ съ

Русское правительство отдало его подъ судъ. По суду онъ былъ признанъ предателемъ и измѣнникомъ и приговоренъ къ смертной казни, но она замѣнена была изгнаніемъ изъ Россіи подъ угрозою, что, въ случаѣ появленія его когда либо въ предѣлахъ Россіи, всякій будетъ имѣть право убить его.

Такимъ образомъ въ 1763 году Тотлебенъ былъ изгнанъ изъ Россіи. Цѣлыхъ шесть лѣтъ онъ скитался внѣ Россіи и наконецъ успѣлъ вымолить прощеніе у Екатерины Великой. Императрица простила ему прошлое и поручила ему шедшее на Кавказъ войско.

Вотъ съ какимъ человѣкомъ пришлось имѣть дѣло тогдашней Грузіи!

Этотъ, по русскимъ официальнымъ документамъ, мерзвѣйшій, безсовѣстный человѣкъ, взяточникъ, грабитель, измѣнникъ, лжецъ и доносчикъ приводится г. Эзовымъ, дабы вновь обдать грязью грузинъ, въ качествѣ свидѣтеля. Вотъ что пишетъ Тотлебенъ о грузинахъ,—повѣствуетъ намъ г. Эзовъ: „Они, грузины, пронырливы, корыстолюбивы, въ пороки погружены и ниже понятія о добродѣтеляхъ имѣютъ (п. 4). Не можно, кажется, 'отъ грузинцовъ, самымъ ихъ порабощеніемъ малодушными учинившихся, требовать храбрости и послушанія".⁶⁴⁾ Г. Эзову только этого и хотѣлось, а иначе, повторяемъ, во первыхъ, къ чему годно это свидѣтельство Тотлебена, когда рѣчь идетъ о сношеніяхъ Петра Великаго съ армянскимъ народомъ, и, вторыхъ, что за достойный довѣрѣя человѣкъ—Тотлебенъ, чтобы довѣряться безъ проверки и разслѣдованія его свидѣтельству?! Всякій другой порядочный человѣкъ

⁶⁴⁾ См. Эзова: „Свош. Петра Великаго съ арм. народомъ" стр. XC, гл. XII. *Примѣч. переводчика.*

не только счелъ бы недостойнымъ себя ссмыться на такого свидѣтеля, но даже не позволилъ бы себѣ соприкасаться съ нимъ, изъ опасенія выпачкаться. Очевидное дѣло, г. Эзовъ въ данномъ случаѣ оказывается „рыцаремъ безъ страха и упрека“.

VII

Послѣ пропѣтаго г. Эзовымъ устани Тотлебена „хазѣбнаго гимна“ намъ, послушавъ сказаніе самого Эзова о царѣ Иракліи и современной ему Грузіи. Известно, что Ираклій велъ переговоры съ Петербургомъ о принятіи Россією Грузіи подъ свое покровительство. Вотъ какое колѣнцо выкинулъ по этому поводу г. Эзовъ и что онъ рассказываетъ своимъ читателямъ: „Ираклій вновь въ 1782 г. послалъ на высочайшее ния въ Петербургъ письмо, въ которомъ просилъ принять Грузію подъ верховную власть русской державы. Ираклій просилъ утвердить его съ потомствомъ въ царскомъ достоинствѣ, оставить въ Грузіи званіе католикоса, или главы духовенства, прислать въ его отечество 4,000 русскихъ войскъ, необходимыхъ для защиты отъ враговъ и для покоренія отпадшихъ отъ него провинцій, и наконецъ снабдить его деньгами на содержаніе войска“

„Такимъ образомъ, — добавляетъ отъ себя г. Эзовъ, — Ираклій предлагалъ русскому Двору то, что, по праву, принадлежало не ему, а Персіи, — предлагалъ верховную власть надъ Грузією, которую до вѣсто не былъ въ силахъ удержать за собою, и за это просилъ царское достоинство, котораго не имѣлъ въ Персіи“⁶⁶⁾.

⁶⁶⁾ См. Эзова: „Свошавія Петра Великаго съ армянея народомъ“, стр. XCII.

Грузинская пословица гласитъ: „И курица, измо-
вшись воды, обращаетъ взоръ свой къ Богу“⁶⁷⁾.

Если царь Ираклій „уступилъ то, что принадле-
жало не ему“, следовательно, тѣмъ болѣе не могло
принадлежать его наследнику и сыну, Георгию, то какъ
же случилось, что Россія приняла Грузію отъ этого
самаго наследника царя Ираклія и заключила съ нимъ
трактатъ?! Хотя это весьма обстоятельство должно
было бы удержать и образумить г. Эзовъ! Если бы Гру-
зія не была царствомъ, если бы владѣтели ея не иш-
меновались царями, то въ полномъ титулѣ Императора
Всероссійскаго не было бы, между прочимъ, титула
„царь Грузинскій“⁶⁸⁾. Значитъ, наименованіе Грузин
царствомъ, а правителей ея царями не измышленіе ка-
кое нибудь, а фактъ.

Если бы г. Эзовъ не отдался такъ опрометчиво
влеченію страсти своей, то не думаетъ, чтобы онъ такъ
исобдуманно позволялъ себѣ посягнуть на правильность
титула Императора Всероссійскаго. Если бы онъ хоть
немного выкинулъ въ смыслъ словъ своихъ, то встре-
петалъ бы отъ страха, говоря: „въ какую бѣду ввергъ
меня языкъ мой“! Но пусть не трепещетъ и отъ
этихъ нашихъ словъ: въ русскихъ законахъ есть мно-
го поводовъ для смисхожденія къ поступкамъ иш-
ніака. Допустимъ однако, что такъ и было на са-
момъ дѣлѣ, что ни Грузія никогда не была царствомъ,
ни правители ея не именовались царскими вельями; допу-
стимъ, что Грузія не принадлежала ни царю Ирак-

⁶⁷⁾ Груз. посл. „*ბოძი წყალს დეცუბ დე ცხობ
ფუძუბი*“ *Прим. перс.*

⁶⁸⁾ См. „*Общ. Зап. Рос. Им.*“, т. 1, ст. 33, изд. 1897 г.
Примѣч. перс.

Комментаріи ко всему этому излишни,—здесь слѣдуетъ только обратить вниманіе на перешедшія всякія границы произволь челоуѣка, одержимаго какими-то странными побужденіемъ, захватывающимъ все его существо. По мнѣнію г. Эзова, Грузія того времени была какииъ-то приставствомъ персидскаго царства, а царь Ираклій являлъ собою лишь пристава и только!

Прослѣдите умственную нить и логическую послѣдовательность соображеній г. Эзова, и предъ вами предстанеть странное явленіе. Сначала онъ говоритъ: „Царь Ираклій предлагалъ Россіи то, что по праву принадлежало не ему“, а потомъ,—что „предлагалъ то, что не въ силахъ былъ удержать“! Значитъ, было за нимъ это право собственности,—если же не было, то нѣтъ смысла утверждать, что онъ „не въ силахъ былъ удержать того, чего не имѣлъ“.

Сопоставьте все это одно съ другимъ и станеть очевиднымъ, что г. Эзовъ доказываетъ однимъ то, что отрицаетъ другимъ.

Обратите вниманіе еще на то, что г. Эзовъ глумится надъ царемъ Иракліемъ, самодержавнымъ царемъ Грузіи, наводившимъ въ одно время страхъ на самую Персію,—онъ, молъ, „уступалъ Россіи то, что принадлежало не ему“,—своего же монаха Минаса, обѣщающаго и уступающаго Россіи Ганжу-Карабахъ, почти окружаетъ ореоломъ славы и величія! Выходитъ, что Грузія не принадлежала царю Ираклію, монахъ же Минасъ могъ располагать судьбой Ганжи-Карабахъ, находившагося тогда, не въ обиду будь сказано ученому г. Эзову, подъ владычествомъ персидскихъ хановъ, но отнюдь не этого пресловутаго монаха Минаса.

лію, ни Георгію. Отъ кого же, въ такомъ случаѣ, Россія приняла Грузію подъ свое покровительство? Если г. Эзова спросить объ этомъ, то окажется, что Грузію передалъ Россіи чуть ли не армянскій архіепископъ Іосифъ Аргутинскій-Долгоруковъ. Само собою разувѣется, онъ прямо не говоритъ этого, но прочтите-ка книгу Эзова, и вы придете къ этому заключенію.

Эта завѣтная мысль г. Эзова такъ хитро кружится на трехъ четырехъ страницахъ ⁶⁸⁾ около этого факта, такъ искусно проводится между строками, что вы неожиданно натываетесь на выводъ, что, не будь упомянутого архіепископа, Грузія не поступила бы подъ покровительство Россіи. Г. Эзовъ, между прочимъ, увѣряетъ, что „архіепископъ Іосифъ проявлялъ большую энергію: онъ воздерживалъ царя Ираклія, обнаружившаго готовность подчиниться Ага-Магомехану, обнадеживая его русскою помощію, уговаривалъ хановъ содѣйствовать русскимъ войскамъ, присягою удостовѣряя ихъ, что не будетъ имъ никакихъ обидъ со стороны россійской“ ⁶⁹⁾. Словомъ, все, что ни дѣлалось въ этомъ смыслѣ, было дѣломъ рукъ одного лишь архіепископа Іосифа Аргутинскаго!

Когда былъ обнародованъ манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, Императоръ Павелъ, желая наградить своихъ новыхъ подданныхъ орденами, графскими и баронскими достоинствами, поручилъ Кноррингу доставить ему именной списокъ этихъ лицъ. Генералъ Лазаревъ, на запросъ къ нему по сему предмету, отвѣчалъ Кноррингу: „что касается крестовъ, то, по моему мнѣ-

⁶⁸⁾ См. Эзова: „Свош. Петра В. съ арм. нар.“, стр. ХІІІ, ХСІV, ХСV и проч.

⁶⁹⁾ Стр. СVІ, іѣщ.

нію, князя Игнатія Тумановъ, Дарчи Бебутовъ и Соломонъ Аргутинскій-Долгоруковъ болѣе всѣхъ заслуживаютъ этой награды. Всѣ здѣшніе дворяне нисколько не лучше нашихъ однодворцевъ; кого же сдѣлать графами и баронами? Къ этому надо еще прибавить, что въ нѣкоторыхъ семействахъ одинъ изъ братьевъ преданъ намъ, а другой находится въ числѣ мятежниковъ. При дворѣ никто изъ нихъ не можетъ служить, потому что всѣ они не получили никакого образованія: трудно различить здѣшняго царевича отъ простаго мужика⁷⁰⁾.

Кноррингъ и Лазаревъ представили 17 человекъ, достойныхъ награды, въ числѣ ихъ грузинъ: кн. Соломона Авалишвили, коурава (правителя) сурамскаго кн. Евгенія Абашидзе, кн. Георгія Амилахвари, сардала (полководца) кн. Ивана Орбелиани, сардала кн. Георгія Цицишвили, саялъ-хуцеси и эшикъ-абаша (гофмаршалъ, чиновникъ для порученій при царицѣ Маріи) кн. Александра Макашвили, иливанъ-бега (судья) кн. Сулхана Туманова, кн. Шанше Эрнстова, эшикъ-абаша Александра Чавчавадзе, мниоцминдскаго митрополита Михаила, бодбійскаго митрополита Іоанна, архимандрита Ефимія. „Есть еще много другихъ, достойныхъ награды“, — добавляетъ Кноррингъ, „но больше всѣхъ, молъ, они высказали усердіе и вѣрность къ Россіи⁷¹⁾).

Вотъ видите, какъ Эзовъ обошелъ этихъ, достойныхъ награды, грузинъ и 17 человекъ свелъ на три человекъ, и то только на однихъ ариянъ, да еще при этомъ не упустилъ случая приплести, что „трудно молъ, различить здѣшняго царевича отъ простаго мужика“.

⁷⁰⁾ *Истор.* стр. СХІІ. *Примѣч. перс.*

⁷¹⁾ См. акты кн. І, ст. 417—418, № 563.

недостойное, грязное оружие они им берутся, чтобы трубить о своемъ величїи, насъ же обдавать грязью; и какъ они изъ кожи лѣзутъ, чтобы внушить своимъ армянкамъ ненависть и презрѣніе къ намъ. А между тѣмъ, сами же они кричатъ, что непристойно-де въ XIX столѣтіи, въ этотъ просвѣщенный вѣкъ, натравлять одну народность на другую и тому подобныя высокопарныя фразы, напоминающія позолоченную скорлупу орѣха, ядро котораго изъѣдено червями.

Изъ этого выходитъ, что порицатели наши и травители—они сами, а мы или молчимъ, или обороняемся, залпетые ими же въ крѣпости. Выходитъ, что натравлять, навадать—должно; а защищаться, отражать удары—грѣшно. Пусть юныя такую философію надувають малютокъ, вараваемъ же и взрослымъ людямъ они не могутъ зажать ротъ, не могутъ заглушить въ человѣкѣ святого чувства собственного достоинства. Самое дорогое сокровище для человѣка—его личность, и никто не удивится, если на оскорбителя, поносителя личности честный человѣкъ накинется въ благородномъ негодованіи. Просвѣщенность придаетъ человѣку благородному мягкость тканяго шелка, когда дѣло идетъ о состраданіи ближнему, и даетъ ему крѣпость кованаго желѣза, когда онъ выступаетъ на защиту личнаго своего достоинства. Въ первомъ случаѣ мягкость—достоинство, а во второмъ—трусость и злодушїе. Въ первомъ случаѣ крѣпость—жестокосердіе, а во второмъ—достоинство.

Не лишне сказать и то, что если бы обложить маломомъ самокванство и забрасываніе грязью ближняго, то сколько ошѣлило бы ученыхъ армій, къ чести своего народа и на успокоеніе грузинъ! Жаль, что по-

Вотъ въ этомъ то и состоитъ арийская ученость! Насколько „дохваляю“ арийскій книжничекъ обрѣщается съ историческими фактами, настолько и даже еще болѣе безцеремонно дѣйствуетъ онъ, когда подтверждаетъ слова свои будто бы жъ орическими данными. Подобную же продѣлку его обнаруживаетъ и нашъ журналъ „Моамбѣ“. „Развѣянность и разнузданность г. Эзова до такой степени велика, что онъ говоритъ намъ: свѣдѣнія эти я почерпнулъ, молъ, изъ археологическихъ актовъ и смотрите такіе то, такіе то номера, именно: 529, 530, 531 и 532. Открываетъ первый томъ этихъ актовъ, перечитываетъ разъ десять и ничего подобнаго, что говоритъ г. Эзовъ, не находитъ. Откуда-же г. Эзовъ припелъ, — продолжаетъ далѣе „Моамбѣ“, — что только одни ариики оказались достойными награды и что царевичи походятъ на мушкетеровъ? Тогда только вы разгадаете загадку, когда припомните затаскивую мысль Эзова: *Грузія-де не Грузія, а древняя Арменія*“.

Эта соблазнительная, проклятая страсть сбиваетъ съ пути г. Эзова, прикрывающагося именемъ науки, и заставляетъ его городить вдоръ ⁷³⁾. Затрудняюсь, который изъ ученыхъ фарсовъ г. Эзова передать, въ которыхъ онъ обрабатываетъ своимъ заранѣе состряпаннымъ дѣломъ! Но и сказаннаго нами достаточно, чтобы видѣть, куда гнуть линию, какъ съ нами обращаются, съ какими уворствами и систематичностью воносятъ грузинъ известнаго грузина арийки и вдохновенные сю арийскіе ученые, философы, Деллингеры, Гидмиты и профессора. Чего они только ни выкидываютъ, за какое

⁷³⁾ См. „Моамбѣ“ 1889 г., № 1, стр. 66 и 59. Вышеприведенный курсивъ принадлежить „Моамбѣ“

осуществимъ такой налогъ! Жаль, что и самохвальство, и бросаніе грязью доступны даромъ, безъ расхода.

VIII.

Легко догадаться, для чего такъ фокусничаютъ армянскіе грамотей-книжники. Удивляетъ насъ только, для чего такъ же обращаются съ историческими данными и нѣкоторые русскіе писатели. Чтобы доказать, что армяне душой и тѣломъ тверды и могучи, заслуживаютъ поддержки и что будущее принадлежитъ имъ, они приводятъ историческія данныя и тѣмъ стараются доказать каждому неоспоримость этихъ качествъ армянъ. Всѣ эти свои качества армяне доказали-де своею исторіею, и мы жестоко ошибаемся-де, что къ этому способному, трудолюбивому, душою и тѣломъ сильному народу не протягиваемъ руки помощи, не даемъ ему ходу и задерживаемъ его развитіе.

Нечего и говорить, что ни одно государство не приобрѣтеть ни выгодъ, ни уваженія, задерживая развитіе входящаго въ его составъ иноплеменнаго народа, какъ бы онъ малъ ни былъ. Нѣтъ на свѣтѣ народа, который, если только онъ мало-мальски культуренъ, не имѣлъ бы хотя какой нибудь исторіи и не былъ бы полезенъ принѣвшему его въ свой составъ государству, какъ бы оно ни было велико и могущественно. Недаромъ говорится: „не топчи ногою того, что посажено и принято, а старайся, чтобы оно росло“⁷⁸⁾. Собственныя дарованія и хорошія качества какъ отдельныхъ лицъ, такъ и цѣлаго народа, въ какомъ изобиліи ни находились бы, все же не составятъ обуви, если ихъ при-

⁷⁸⁾ „არს უკვე დაჩუგულია და მზარდის, ვ-ნით ნუღათ დახურავნავ, უკადე გაზარდოს“. *Грузин. посл. Прим. перес.*

умножить еще чужими. Поэтому большой грѣхъ не давать развиваться способностямъ какъ отдельной личности, такъ и цѣлаго народа. Не меньшій грѣхъ — достоинства и заслуги одного лица приписывать другому, истиннаго труженика ставить въ тѣни, а загребающаго жаръ чужими руками выдвигать на свѣтъ, превозносить его до небесъ. Каждый долженъ гордиться лишь собственными заслугами, если онѣ имѣются, всякому свое.

Къ сожалѣнію, не такъ поступаетъ г. Влад. Гольцстремъ, напечатавшій въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ фельетонъ подъ заглавіемъ „И камни возопіють“⁷⁴⁾. Правда, эта газета одна изъ числа тѣхъ въ Россіи, которыя всегда защищаютъ угнетенную народность. Невозможно адрвоисляшену и добросердечному человеку, какой-бы національности онъ ни былъ, не отнестись съ полнымъ уваженіемъ къ направленію ея. Газета эта, къ чести своей и въ защиту слабыхъ, неугомонно взываетъ, что сила-де государства, какъ-бы оно велико и могущественно ни было, должна опираться на единодушіе, а не на единообразіе населяющихъ его народовъ. Поэтому-де лишь любовь и гуманное обращеніе составляютъ цементъ, на которомъ строится и держится цѣлость государства. Каждому — малому-ли, великому-ли, — долженъ быть предоставленъ свободный путь и каждый долженъ служить государству тѣми способностями, силами, дарованиями, которыми надѣлилъ его Господь Богъ. Нѣтъ на свѣтѣ никого, кто не обладалъ бы какою либо способностью или дарованіемъ, пригодными для государственной жизни, — а потому не стѣсняйте-де,

⁷⁴⁾ См. „Петер. Вѣдом.“ 1869 г., № 22.

дайте каждому дорогу, возможность развернуть, развить свои способности, свои добрыя качества.

Г. Гольмстремъ проповѣдуетъ въ началѣ своей статьи именно это самое, и кто будетъ такъ дикъ и грубъ, что съ любовью и радостью не протянетъ руки ему и не запечатлѣетъ его словъ въ сердцѣ своемъ, какъ исполненныхъ правды и человѣколюбія.

Уже давно,—говорить г. Гольмстремъ,—чуткіе и предусмотрительные люди задавались вопросомъ: съ чѣмъ мы идемъ на Востокъ? Отвѣтъ получился далеко не благоприятный... Но съ точки зрѣнія проявленія матеріальной жизни, такъ сказать, орудіями внѣшней культуры мы очень мало обезпечены и еще не разобрались въ массѣ техническихъ вопросовъ нашихъ; но мы должны быть благодарны избытку духовныхъ силъ, выносившихъ русскій народъ цѣлымъ и невредимымъ изъ массы неурядицъ. Такъ было, между прочимъ, въ эпоху Петра Великаго, когда этотъ бурный геній могъ не опасаться, что его гоненіе на противниковъ повшествъ приведетъ къ ослабленію стойкости національнаго характера и къ изсяканію народныхъ силъ: въ этомъ отношеніи русская земля была тогда „непочатымъ краемъ“, спящимъ львомъ. Теперь же не то. Времена перевернулись: духовныя силы народа приходится беречь; нужно стремиться приумножить, ихъ сохраняя все наиболѣе стойкое *умственно, духовно и физически* въ русской жизни, потому что,—горько признаться,—запасъ моральныхъ силъ, съ которыми мы выступаемъ на многотрудное дѣло на Дальнемъ Востокѣ, тоже очень невеликъ....

Ни съ однимъ народомъ не поступали такъ несправедливо, такъ не клеветали на него, какъ, молъ, на

армянь. Чтобы найти истину въ армянскомъ вопросѣ, нужно обратить свои взоры къ сѣдой древности, къ археологамъ, къ ученымъ и путешественникамъ, еще не успѣвшимъ, молъ, проникнуться „политическою мудростью“ и испортить ею свою научную точку зрѣнія. „И камни вопіють“,—говорить не въ шѣру увлеченный г. Гольмстремъ,—камни, разбросанные въ предѣлахъ Араратской возвышенности и въ ея ближайшемъ сосѣдствѣ, около Ванскаго озера, около Урми, около Эрзерума, наконецъ въ Эриванской губерніи и въ Карсской области.

„Камни-де никогда не лгутъ“...

Справедливо, что камни не лгутъ, но, повторимъ, „хорошему рассказчику нуженъ и хорошій слушатель“ ⁷⁶⁾. Ниже мы увидимъ, что у камней оказались плохіе слушатели. „Огненными буквами повѣствуютъ,—говорить тотъ же огорченный г. Гольмстремъ,—надписи на скалахъ о событіяхъ ассиро-вавилонской древности“.

И вотъ что рассказываетъ далѣе г. Гольмстремъ. Нашъ ассириологъ-археологъ Никольскій, обошедшій эти мѣста въ 1893 году, сдѣлалъ важныя открытія. Найденныя въ тѣхъ мѣстахъ клинообразныя надписи написаны на особомъ языкѣ и повѣствуютъ о многочисленномъ племени, жившемъ въ верховьяхъ Тигра и Евфрата, около озеръ Вана, Урми, Гокчя. На ассирійскихъ памятникахъ X и IX вѣковъ до Р. X это племя называлось „найри“. Когда же во второй половинѣ IX ст. оно собралось въ одно госу-

⁷⁶⁾ Грузинская по оговоркѣ: „კამრები ვერცხვებზე ვერცხვები ვერცხვები“. Прим. перев.

дарство, стали упоминать о немъ, какъ о странѣ Урарту, откуда происходитъ-де еврейское существительное Араратъ: имена эти-де тождественны. Центръ этого царства Урарту былъ первоначально въ Эриванской низменности, но потомъ, по стратегическимъ соображеніямъ, перенесенъ былъ на югъ, къ восточнымъ берегамъ озера Ванъ. Страна урартійскихъ царей занимала свою культуру отъ ассиро-вавилонянъ, но не разъ успѣшно оспаривала роль мировой державы у царей Ассиріи. При ассирійскомъ царѣ Тиглатъ Паласарѣ III, въ первую половину VIII вѣка, перевѣсъ въ борьбѣ былъ на сторонѣ Урарту: весь сѣверъ и частью западъ ассирійской монархіи перешелъ въ руки урартійцевъ. Всѣмъ борьбы колебались, и могло случиться, что урартійцы захватили бы господство надъ всѣмъ тогдашнимъ міромъ и дали-бы всемірной исторіи другое направленіе. Но перемѣна правленія и неожиданный подъемъ силъ спасли Ассирію. Ея враги были побѣждены. Урартійскій царь Урса поднялъ весь сѣверъ и частью западъ къ возстанію противъ Ассиріи, но былъ побѣжденъ.

Помимо всего этого, по словамъ, молъ, г. Никольскаго, надписи повѣствуютъ объ урартійской культурѣ, говоря о возникновеніи городовъ, дворцовъ, о проведеніи канавъ и т. п.

Письмена выстѣхались то по приказу ассирійскихъ царей, то урартійскихъ,—смотря по тому, на чей сторонѣ, былъ перевѣсъ. Эти памятники глубокой таинственной древности носятъ слѣды борьбы двухъ началъ—*звѣрскаго и больше человѣческаго*: первое олицетворяетъ-де Ассирію, второе—Урарту...

Урартійцы,—говоригь дльѣ тотъ же г. Гольмстремъ,—оказали большую услугу тогдашней цивилизаціи всего міра, а слѣдствительно, и цѣлому человѣчеству, во первыхъ, тѣмъ, что Урарту своимъ давленіемъ съ сѣвера препятствовало движенію ассирійцевъ,—народа съ звѣрскимъ направленіемъ,—на западъ и югъ, на Сирію, Палестину, Египеть и вообще на сѣверо-западъ; вторая важная услуга, оказанная урартійцами міру, состоитъ въ томъ, что они съ одной стороны закрывали, со стороны Кавказа, путь скиодамъ и другимъ сѣвернымъ варварамъ, чѣмъ не допустили до попрания юго-западной цивилизаціи, а съ другой стороны сдерживали нашествіе кочевниковъ южныхъ степей, откуда вышла религія кочевыхъ народовъ,—религія войны во имя ислама. По словамъ г. Гольмстрема выходитъ, что урартійцы издревле были народомъ многочисленнымъ, переловымъ, направленія въ высшей степени гуманнаго, могучимъ, непоколебимимъ, стойкимъ и самоотверженнымъ, защитникомъ и стражемъ почти всего міра и такими бойцами, что чуть не измѣнили теченія всемірной исторіи.

Если существуютъ еще остатки націи, имѣющей такія заслуги, то какъ же не подать ей руки помощи, не поставитъ ее на ноги и не открыть ей пути для счастья человѣчества!

Правъ г. Гольмстремъ: было-бы большою неблагодарностью и несправедливостью со стороны мытѣшняго человѣчества поступить иначе съ остатками урартійцевъ, если только они гдѣ либо существуютъ. Г. Гольмстремъ утверждаетъ, что остатки ихъ и нынѣ существуютъ, но человѣчество несправедливо и неблагодарно поступаетъ съ ними. Грѣхъ, молъ, не поддер-

жать такого твердаго въ несчастіи, способнаго, сильнаго душою и тѣломъ и нравственными качествами, мужественнаго народа и не дать ему въ руки знамени нашей культуры для счастья и просвѣщенія всей Азии.

Вотъ вѣдь, оказывается, какими милыми, достохвальными народомъ были аборигены прежняго Урарту. Теперь спросимъ: ради кого и ради чего столь щедро расточаетъ г. Гольмстремъ похвалу, кого онъ превозноситъ, упоминая о добродѣтеляхъ и заслугахъ урартійцевъ? Армянь, которые будто бы, по происхожденію, потомки урартійцевъ. А такъ какъ по грузинской пословицѣ: «Каковъ батька, таково и дитятко» (ქველ ბაბე, ვადა ბაბე, ზველი ძვი ვადაბაბე), то г. Гольмстремъ и говоритъ, что, такъ какъ урартійцы были такимъ славнымъ народомъ, мѣняющимъ заслуги предъ цѣлымъ человѣчествомъ, — энергичнымъ, стойкимъ и мужественнымъ — и такъ какъ нынѣшніе армяне происходятъ изъ того же племени, то ясно, что всѣ добродѣтели урартійцевъ перешли, по наслѣдству, къ армянамъ и составляютъ ихъ неотъемлемыя свойства, подкрѣпленные историческими данными. Такимъ образомъ, армяне-де исторически доказали свою духовную и физическую стойкость и мощь, и поэтому нужно помочь, содѣйствовать въ движеніи по пути развитія такому душою и тѣломъ сильному, показавшему себя такимъ славнымъ еще съ незапамятныхъ временъ народу, который былъ человѣколюбивымъ даже тогда, когда другіе были еще звѣрьми.

Нѣ можете себѣ однако представить, какая смѣшная исторія является слѣдствіемъ того невѣжества, которое такъ воспламенило мейсѣдущаго въ этомъ дѣлѣ г. Гольмстрема. Если бы гг. Эзовъ и К^о знали,

какой народъ признается европейскими послѣдователями подл и неменѣ урартійцевъ, то скорѣе отсылаи бы руку г. Гольмстрему, чѣмъ позволимъ бы ему съ такой похвалою отзываться объ урартійцахъ.

Представьте себѣ, оказывается, что урартійцы—грузины, и, въ данномъ случаѣ, г. Гольмстремъ оказывается армянамъ услуги того простодушнаго недвѣля, который, желая спугнуть со лба вристея беззаконную его музу, хватилъ его по лбу камнемъ.

Точно такъ же поступилъ г. Гольмстремъ съ той извѣстной группой армянъ, символъ вѣры которой составляетъ присвоеніе выпеченнаго другими хлѣба, какъ будто у нея нѣтъ своего.

Такого удара никто еще ей не наносилъ, хотя г. Гольмстремъ собственно желалъ лишь возвеличить и прославить армянъ. Даромъ пропалъ порохъ! Г. Гольмстремъ пустилъ этой группѣ пулю въ грудь, желая бросить букетъ розъ. Не бываетъ добру отъ незнавія, отъ дѣланнаго, дутаго, искусственно возбужденнаго, но не отъ сердца исходящаго порыва.

Да, господа, урартійцы были предками грузинъ, плотью и кровью грузинскаго племени, къ несчастью если не г. Гольмстрема, то той группы армянъ, которая хватается, подобно обжорѣ, чужіе лаконные куски и одѣвается въ лучшее чужое платье, какъ будто своего ничего не нѣтъ и опасается, что если она не нарядится въ чужое, то останется въ томъ видѣ, какъ мать родила. На самомъ же дѣлѣ армяне вовсе не лишены собственныхъ достоинствъ.

Мы не безъ основанія говоримъ, что урартійцы были грузинами. Въ подтвержденіе этого мы встанемъ говорить тѣ же самые камни, вопль которыхъ выну-

диль г. Гольмстрема проливать слезы за армянь и съ сокрушеннымъ сердцемъ восклицать: „И камни вопіють! Камни не лгутъ“!

Мы въ своемъ мѣствѣ докажемъ г. Гольмстрему, что онъ рѣшается говорить неправду не только устами мертвыхъ камней, но даже устами уважаемаго живого человѣка. Такъ поступаетъ онъ съ Никольскимъ, который, можетъ быть, говорить что либо другое, но только не то, что утверждаетъ г. Гольмстремъ, ссылаясь на его свидѣтельство, и что лишь ежедневно гревится гг. армянскимъ ученымъ. Удивляемся, что съ этимъ уважаемымъ русскимъ ассириологомъ, археологомъ такъ недостойно поступилъ русскій же писатель и его осторожное и солидное сужденіе по этому предмету намѣренно или по незнанію исказилъ, передѣлалъ, чтобы съ помощью его уважаемаго имени сбыть ложь извѣстной группы армянь за правду. Очевидно, г. Гольмстремъ попалъ въ какую то ловушку, введенъ въ какое-то заблужденіе, вслѣдствіе чего, надо полагать, онъ ввелъ въ заблужденіе и уважаемая „Петербургскія Вѣдомости“ и, такимъ образомъ, эту газету сдѣлалъ соучастницею въ фальши. И раньше мы говорили, что газета эта, къ чести своей, является заступницею слабыхъ, что она не вращается въ узкомъ кругу взаимной нетерпимости, а, напротивъ, всѣмъ—и малому, и великому—воздастъ должное, и что такая челоѣколюбивая и гуманная дѣятельность ся обязываетъ каждаго порядочнаго челоѣка оберегать ее отъ лжи и обмана, не говоря о томъ, что вообще въ печати не должны имѣть мѣста ложь и сплетня. Скажемъ еще болѣе,—въ такомъ свитомъ дѣлѣ, какъ печатное слово, добиваться своей цѣли посред-

ствомъ лжи и обманъ изъ всѣхъ недостойныхъ поступковъ—позоривъшій и отвратительнѣйшій. „Игнѣшиши уши слышати да слышатъ“. Мы глубоко сожалѣемъ, что и эту чистую газету не пожалѣли армянскіе ученые и ввели ее въ заблужденіе съ такимъ практическимъ расчетомъ: если хитрость удастся, то прекрасно, если же нѣтъ, то какое имъ дѣло, что газету уличаютъ во лжи?! И о г. Гольмстремѣ они не особенно будутъ горевать: какое имъ дѣло, лишь бы было возможно доставать чужими руками каштаны изъ огня. Какъ же иначе прослыть за армянскихъ ученыхъ, къ лицу-ли имъ въ виду этой цѣли щадить чужую личность и оберегать доброе имя человѣка?! Въ книгѣ нахъ торговой этики такого правила не полагается.

IX.

„И камни вопіють! Камни не дугутъ!“—горячо восклицаетъ г. Гольмстремъ! Какъ громко звучали бы эти за душу хватающія слова, какими высокими тонами зазвенѣли бы они на струнахъ человѣческаго сердца, если бы по самому содержанію были правды и не напоминали собою пустой орѣховой скорлупы безъ ядра. Такъ или иначе, но г. Гольмстремъ, якобы на самомъ дѣлѣ страдающій и болѣющій душою за правду, бія себя въ грудь, увѣряетъ, что урартійцы, имѣющіе немалое заслугъ предъ міромъ, съ давнихъ временъ славившіеся высокими добродѣтелями и доблестями, были не кѣвъ инымъ, какъ армянами, и, слѣдовательно, нынѣшніе армяне, какъ плоть и кровь славныхъ урартійцевъ, являются, судя по историческимъ даннымъ съвой старины, наследниками ихъ могучихъ физиче-

вопіють", не правд-ли, г. ариянскіе ученіе, гранотъ.1
Вопись то вопіють, но „двери слуха вашого замкну-
ты нами для нихъ". 77).

Оставимъ въ сторонѣ даже это IX ст., когда
камни запечатаны на груди своей меллицерійскими и
правильныя сказанія и когда еще объ ариянахъ не бы-
ло и помину. О странѣ „Найри", авостѣвствіи из-
вѣстной подлѣ навашиемъ „Урарту", упоминается въ
нѣкоторыхъ надписяхъ еще при ассирійскомъ царѣ
Салманасарѣ и ватѣмъ при Тиглатъ-Паласарѣ,—Салма-
насаръ же I царствовалъ въ XIV ст., а Тиглатъ-
Паласаръ I въ XII ст. до Р. Х. 78).

Итѣмъ послѣ всего этого основаніе или итъ
спросить г. Гольмстрема: тѣ клинообразныя надписи,
тѣ приводимыя имъ въ свидѣтели камни какими чу-
домъ могли повѣствовать объ ариянахъ, когда послѣд-
ніе, спусти лишь шестьсотъ-семьсотъ, ну самое мень-
шее триста лѣтъ, появились въ той странѣ, въ кото-
рой урартійцы были аборигенами и боролись съ асси-
рійцами въ продолженіе шести-семи вѣковъ до призо-
да ариянъ? И если ужъ они, урартійцы, имѣютъ ка-
кія-либо заслуги во всемірной исторіи, отличались
твердостью характера, культурою, выказали физиче-
скую и нравственную мощь, то, конечно, ради своей
славы, но отнюдь не для прославленія и возвеличенія
арянъ.

Ясно, что тѣ клинообразныя надписи, вопли ко-
торыхъ будто бы такъ воспламенили г. Гольмстрема, и

77) Стихот. кн. Ал. Чавчавадзе: „*ბაგრატის კამბეკის*
გამბეკის".

78) „Древности восточныя" и проч. соч. г. Школьникаго,
стр. 389.

скихъ и душевныхъ силъ. Обѣ армянствѣ урартійцевъ вопіють камни, камни же, молъ, не врутъ.

Посмотримъ, такъ-ли это, какъ въ данномъ случаѣ пригрезилось г. Гольмстрему.

Франсуа Ленорманъ, о которомъ мы и раньше упомянули, считающійся среди людей науки знатокомъ исторіи древнѣйшихъ временъ,—авторитетный изслѣдователь клинообразныхъ надписей, въ особенности ассиро-вавилонскихъ. И вотъ именно тѣ самыя клинообразныя надписи, которыя, по увѣренію г. Гольмстрема, вопіють въ пользу армянъ, тщательно изслѣдованы этимъ знаменитымъ Ленорманомъ.

Именно онъ и доказываетъ, что Армения есть географическій, но отнюдь не этнографическій терминъ и что это названіе въ первый разъ упоминается во времена Ахаченидовъ, именно въ концѣ VII столѣтія до Р. Х. Тогда еще и помину не было объ армянахъ, т. е. гайканцахъ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя асирійскія, а равно мѣстныя клинообразныя надписи называютъ собирательнымъ именемъ странъ „Найри“, а впоследствии „Урарту“, а племя, жившее тамъ,—урартійцами; гайканцы, гайосы (армяне) пришли въ Урарту въ VI ст. до Р. Х., клинообразныя же надписи, повѣствующія объ урартійцахъ, относятся къ болѣе раннему періоду, ибо самая поздняя надпись относится къ IX вѣку до Р. Х. ⁷⁰⁾

Ясно, что клинообразныя надписи, высѣченныя за IX в. до Р. Х., не могли повѣствовать о народѣ, появившемся позднее, спустя почти три вѣка. „Камни

⁷⁰⁾ Ленорманъ: „Ассириологическія письма“, серія 1-я, письмо 2-е, стр. 124—129.

которая, по словамъ его же самого, происхожденія не позднѣе IX столѣтія, не могутъ служить подтвержденіемъ происхожденія армянъ отъ урартійцевъ, и мы въ данномъ случаѣ видимъ такое же ученое легкомысліе, на какое постоянно наталкиваемся, когда армянскіе философы и Деллингеры злуютъ рѣчь объ армянахъ.

„Филологія,—говоритъ Ленорманъ,—эта алгебра такъ называемой лингвистики, это могущественное и высокое средство, возстановительница древней этнографіи“,—доказываетъ намъ, что аборигены страны, называемой Арменією, до конца VII вѣка до Р. Х. были родственнымъ племенемъ тому, къ которому относятся грузины и нѣкоторыя нинѣшнія народности Кавказа⁷⁹⁾. Это именно тѣ аборигены, которыхъ библія (X, 3) называетъ „тогормами“, ничего общаго не имѣющими съ сынами Гайоса. Также и Іезекіиль называетъ аборигеновъ Арменіи „тогормами“ (XXVII, 14, XXXVIII, 6)—въ то время, когда большая часть клинообразныхъ надписей была уже высѣчена на камняхъ,—надписей, извѣстныхъ до настоящаго времени подъ названіемъ „ванскихъ“.

Ленорманъ весьма ясно доказываетъ, что урартійцы и ахародійцы—синонимы. Помнио Ленормана

⁷⁹⁾ Очевидно, Ленорманъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду тушо-нишаво-хенсуровъ, свановъ, мингрельцевъ, лавовъ, такъ какъ всѣ они принадлежатъ къ грузинскому племени. Мы говоримъ это за томъ основаніи, что Ленорманъ въ томъ же письмѣ доказываетъ, что народы „урарту“ были всѣ одною и тѣмъ же родственнаго происхожденія, и такъ какъ онъ прямо называетъ и грузинъ въ числѣ ихъ, то очевидно, что, въ данномъ случаѣ онъ подразумѣваетъ тѣ именныя назъ теперешнихъ народностей Кавказа, которыя принадлежатъ къ картвельскому, а не къ иному, въ особенности армянскому, племени, съ которымъ, по его словамъ, урартійцы ничего общаго не имѣютъ.

и знаменитый англійскій ученый Раулинсонъ, на котораго сослался въ данномъ случаѣ самъ Ленорманъ, доказываетъ то же самое.

На этомъ тождествѣ урартійцевъ съ алародійцами и основалъ Ленорманъ свой выводъ, что языкъ урартійцевъ и клинообразныя надписи должны называться алародійскими, но отнюдь не армянскими. Онъ утверждаетъ, что ни языкъ этотъ, ни народъ не имѣютъ никакого родства съ армянскимъ языкомъ и народомъ. „Раулинсонъ говоритъ, — добавляетъ Ленорманъ, — что „аларду“ представляетъ простой вариантъ „Араруда“, такъ какъ древніе парсы одинаково произносили и *л* и *р*. Отъ „Араруди“ небольшой перетолкъ до „Арарата“, а отсюда и до упоминаемаго въ ассирійскихъ надписяхъ „Урарту“.

Къ этому Ленорманъ добавляетъ: „алародійцы (иверы) представляютъ именно ту старую расу, о которой мы выше упоминали и которая оставила клинообразныя надписи въ Арменіи. Что эти названія—синонимы, слѣдуетъ запомнить, такъ какъ это пригодится намъ ниже.

„По нашему мнѣнію, — говоритъ Ленорманъ, — языкъ (онъ имѣетъ въ виду упоминаемая г. Гольмстремомъ клинообразныя надписи) найденныхъ въ Арменіи клинообразныхъ надписей имѣетъ чрезвычайное сходство съ грузинскимъ... Надѣюсь въ будущемъ, когда мое настоящее изслѣдованіе подвинется впередъ, представить множество неопровержимыхъ доказательствъ такого сходства. Пока же я вамъ представляю несомнѣнное доказательство, основанное на склоненіи имени существительнаго“.

жетъ гордиться ими,—то исключительно грузины, но отнюдь не армяне.

Лишь только это изслѣдованіе Ленормана стало извѣстнымъ, не поздоровилось армянскимъ книжникамъ.

Покойный Илья Серебряковъ, профессоръ Лазаревскаго института, въ одной своей статьѣ ⁴¹⁾ говоритъ: „Ленорманъ не только устранилъ всякую мысль о родственномъ происхожденіи армянъ и грузинъ, но даже и самую территорію Арменіи до Ахшенидовъ извѣялъ изъ малѣйша и навсегда укрѣпилъ за грузинами. Это обстоятельство до такой степени озлобило профессора Натканова, что онъ не могъ успокоиться въ продолженіе 13 лѣтъ и въ концѣ концовъ, когда „лучшаго выдумать не могъ“, напечаталъ извѣстный свой фельетонъ, въ которомъ, съ большою ловкостью, присвоилъ себѣ чужой трудъ, далъ фактамъ превратное осмѣщеніе и этими вздумалъ уничтожить и самыя лѣтисписи грузинскія“.

Чего было покойному Серебрякову удивляться подобному поступку армянскаго ученаго! Это порокъ не новый, а еще изстари присущій армянскимъ грамотеямъ. Мы привели тому много фактовъ въ настоящей статьѣ. Можетъ быть, насъ, грузинъ, заподозрять въ пристрастіи, когда говоримъ объ этомъ предметѣ. Послушаемъ теперь такихъ свидѣтелей, какъ Ленорманъ и Генрихъ Раулинсонъ, и увидимъ, что переименованіе, присвоиваніе чужого, подчистка и подслабливаніе надписей на памятникахъ, захваты чужихъ мѣстъ и прочія подобныя добродѣтели съ давнихъ временъ были

⁴¹⁾ См. „Извѣрія“ 1891 г., № 86.

Здѣсь Леморманъ приводитъ такіе поразительные примѣры, что убѣсть всякую охоту сомнѣваться даже въ томъ, кто одержимъ страстью во всемъ сомнѣваться, и въ концѣ добавляетъ, что „изслѣдованіе великаго Эженя Барнульфа усиливаетъ доказательство того, что языкъ клинообразныхъ надписей Арменіи и грузинскій одинъ и тотъ же“.

„Языкъ клинообразныхъ надписей никоимъ образомъ никакого, даже отдаленнаго сходства не имѣетъ съ языкомъ гайканскимъ“,—говоритъ Леморманъ.— „Тотъ народъ, вырѣзавшій эти надписи ⁸⁰⁾ и за шесть вѣковъ до Р. Х. владычествовавшій въ Арменіи, не имѣлъ никакого родства съ армянами, съ гайосами, ни по происхожденію, ни по языку своему“.

„Гайосы пришли въ Арменію въ то время, когда ванскія надписи уже существовали, именно въ то время, когда тотъ самый народъ (урарту), который вырѣзалъ эти надписи, ослабленный въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ непрекращавшимися войнами съ страшными владыками Ниневіи (ассиріянами) и Вавилономъ, отодвинулся, направился къ сѣверу, именно къ тѣмъ мѣстамъ, которыя въ древности назывались Иверією, а въ настоящее время именуются Грузією“ (Georgie).

Такимъ образомъ, по словамъ Лемормана, выходитъ, что армяне напрасно присвоиваютъ себѣ названіе урартійцевъ, прежнюю Великую Арменію напрасно считаютъ своею первобытною родиной, и если какія либо доблести и добродѣтели урартійцевъ перешли къ кому-либо путемъ наслѣдственности и кто-либо мо-

⁸⁰⁾ Не забудемъ, что тутъ Леморманъ говоритъ о вырѣзанныхъ клинообразныхъ надписяхъ урарту.

подтвержденъ учеными трудами и Сэйса и Гуіара¹⁰³⁾. „Что же касается ихъ (урартійцевъ) происхожденія, то оно покрыто мракомъ немыслимости, говоритъ тотъ же Масперо. Одинъ ученый считаетъ ихъ переселенцами съ сѣвера или востока, впервые осѣлившими въ Арисии, у подошвы Арарата, по теченію рѣкъ; Тигра, Ефрата и Кури (Кири, Кура), другіе переносятъ ихъ первоначальныя поселенія далѣ къ югу, на Аравійскій полуостровъ“¹⁰⁴⁾.

Такичь образомъ, громкій и грозный крикъ г. Гольцштрема „И камни возопиють!.. Камни не агуть!“ оживаетъ пустыни словами, неискусно разлутивши, а вопль его за армянъ проститъ фейерверкомъ, послѣ котораго остаются лишь пепелъ и чадъ. Выходятъ, что человекъ, при желаніи, можетъ принудить себя отказаться отъ своихъ словъ и такичь надежныхъ и несомнѣнныхъ свидѣтелей, какъ „вопящіе камни“. Случись это съ армянскими учеными, еще понятно. Подобныя продѣлки обычная болѣзнь армянскихъ ученыхъ. Въѣсть же натуры, для которыхъ „привычное горе лучше непривычнаго веселія“¹⁰⁵⁾. Но поразительнѣе всего то, что такъ обращается съ наукою тотъ, кто такъ горячо, съ такичь усердіемъ трубить: „И камни возопиють!.. Камни не агуть!“ Слышаннос-ли дѣло—такъ глумиться надъ воплями камней и надъ ихъ неопровержимыми свидѣтельствами!) Ион:воль скажешь:

¹⁰³⁾ См Масперо: „Древн. истор. восточн. народовъ“, стр. 481, изд. 4-е.

¹⁰⁴⁾ См. Масперо: „Древн. истор. вост. народ.“, стр. 186.

¹⁰⁵⁾ Грузин. послов.: „უკვეთელი კაცი ხუბლი, უძირკვეთელი ლბ ლბინი“. Прим. перес.

качествами армянъ и что съ давнихъ же временъ они знакомы были съ этими художествами.

„На основаніи вышеприведенныхъ фактовъ, — говоритъ Ленорманъ, — я вынужденъ высказать то же самое, что и Генрихъ Раулинсонъ: „языкъ „урарту“ не имѣетъ никакого родства съ настоящимъ гайосскимъ языкомъ. Гайосы, выходцы изъ Фригии, постепенно заняли возвышенныя мѣста, лежащія къ востоку отъ Фригии, откуда они вытѣснили часть древнихъ урартійцевъ, часть же поглотили и ихъ названія, вѣру, языкъ, преданія зміѣнили своими“.

Зміѣна своими чужихъ наименованій, языка, преданій и тому подобнаго, оказывается, съ древнѣйшихъ временъ составляла обычную привычку армянъ — „привычка же — вторая натура“. Ленорманъ говоритъ въ томъ же сочиненіи своемъ, что армяне напрасно присваиваютъ себѣ происхожденіе отъ Торгомоса. Да и отчего же имъ этого не дѣлать: вѣдь для этого не требуется никакихъ расходовъ, даромъ дается!

Не одинъ Ленорманъ говоритъ, что гористая страна, извѣстная по клинообразнымъ надписямъ подъ извліеніемъ Урарту, еще въ 721 г. до Р. Х. была мѣстомъ обиталища грузинскаго племени и что урартійцы были нацією, родственною грузинамъ. Другой большой знатокъ и изслѣдователь древнѣйшей исторіи Масперо говоритъ: „гористая страна (Ур-рту), въ которой берутъ свое начало Тигръ и Евфратъ, еще при ассирійскомъ царѣ Саргонѣ (721) была населена только однимъ, совершенно отличнымъ отъ современныхъ армянъ и родственнымъ грузинамъ, племенемъ. Такой выводъ-де Ленормана былъ блестяще

„О, жизнь въ чести суть твоа, въ чести твой законъ
Зачѣмъ ты вертишь нами, какъ игрушкой?“⁽⁸⁵⁾.

Х.

Г. Гольмстремъ не ограничивается тѣмъ, что за-
ставляетъ камни лгать; камень—предметъ мертвый, не
можетъ защитить себя, не въ силахъ упрекнуть: „за-
чѣмъ ты переимчивалъ, передѣлывалъ мое слово, мое
сказаніе, зачѣмъ ты заставилъ меня вмѣсто правды
сказать ложь“? Дѣло въ томъ, что г. Гольмстремъ
поступаетъ точно такъ же и со свидѣтельствомъ жи-
вого человѣка. Г-нъ Гольмстремъ не стѣсняется ни то-
го, что живой свидѣтель не проститъ ему такого по-
ступка, ни того, что другіе могутъ обличить его.
Этотъ авторъ высокопарныхъ фразъ приписываетъ г.
Никольскому такія розказни, какихъ тотъ и въ по-
мышленияхъ не имѣлъ; напротивъ, г. Никольскій гово-
ритъ и доказываетъ совершенно противоположное тому,
что отъ его имени утверждаетъ г. Гольмстремъ. Изъ
словъ г. Гольмстрема видно, будто г. Никольскій под-
тверждаетъ происхожденіе армянъ отъ урартійцевъ.
Но вѣдь г. Никольскій не грамотей армянскій, и, слѣ-
довательно, его свидѣтельство имѣетъ особенное зна-
ченіе. Спросимъ-ка самого г. Никольскаго: правда-ли
то, что приписывается ему г. Гольмстремомъ?

Вотъ что г. Никольскій пишетъ по поводу имен-
но этихъ камней, „воишь“ которыхъ заставилъ такъ
некстати испыхнуть г. Гольмстрема: „Ванскія клино-
образныя надписи, на основаніи несомнѣнныхъ дан-
ныхъ, относятся къ концу IX и къ первой половинѣ
VIII стол. до Р. X.“⁽⁸⁶⁾.

⁽⁸⁵⁾ Слова Шота Руставели: „ღ. ბრძანა და ღიჯობ დას,
დავ ავობაჲს, და ზე ავობა“. *Прим. пер.*

⁽⁸⁶⁾ См. „Древности восточныя“, т. 1, ст. 377, стат. Ни-
кольскаго.

Очевидно, онъ того же мнѣнія, что упомянутае мые въ надписяхъ этихъ народы не армяне, такъ какъ до конца VIII ст., или, лучше сказать, до начал VI ст. до Р. X. объ армянахъ въ окрестностяхъ Вани не было и помину, какъ мы это выше видали, какъ это въ настоящее время признаю люди науки и какъ это печатно подтверждено даже и армянскимъ профессоромъ Паткановымъ, — поневоля, за неимѣніемъ другого исхода.

Вотъ примѣръ невѣжества г. Гольмстрема и доказательство того, что г. Никольскій, какъ человѣкъ знающій и серьезный изслѣдователь, не могъ „отдать пудъ“, навязываемую ему г. Гольмстремомъ. Если бы г. Никольскій допустилъ, на основаніи ванскихъ камней, тождество армянъ съ урартійцами, то онъ обязательно долженъ былъ бы допустить, что эти камни свидѣтельствуютъ и о происходившемъ лишь триста лѣтъ спустя. Пока еще никто не слышалъ о подобной способности камней, — объ ихъ пророчествѣ, и какъ мы отважились приписать такую бессмыслицу г. Никольскому, извѣстному за осторожнаго и солиднаго ученаго?! Но это еще ничего.

Г. Никольскій говорить: „до сего времени не удалось еще найти той родственной семьи, къ коей можно было бы отнести этотъ языкъ (языкъ ванскихъ надписей). Онъ представляетъ нѣчто совершенно изюбрированное. Нѣкоторыя одиночныя рѣшенія, сходныя съ грузинскимъ языкомъ, еще не даютъ права къ установленію родственной связи, хотя возможность этого родства признается почти всѣми изслѣдователями этихъ надписей. Къ сожалѣнію, сравнительное изученіе кавказскихъ языковъ, и особенно грузинскаго, несовер-

шению, и, во всякомъ случаѣ, только отъ грузинологовъ лингвистовъ мы можемъ ожидать болѣе рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ“⁸⁷⁾.

Видите, съ какою осторожностью, сдержанностью и предусмотрительностью обращается г. Никольскій съ фактами, какъ это и подобаетъ истинному, праводобивову ученому, который прежде, нежели выкроить, разъ десять отмѣритъ. Видите ли, что хотя г. Никольскій и не даетъ рѣшительнаго отвѣта на вопросъ о родственной связи урартійцевъ съ грузинами, но и не говоритъ, однако, что урартійцы армянамъ сродни. Г. Никольскій не дѣлаетъ даже отдаленнѣйшаго намека на родственную связь урартійцевъ съ армянами. Такъ откуда же г. Гольмстремъ взялъ, что г. Никольскій подтверждаетъ происхождение армянъ отъ урартійцевъ? Пусть на этотъ вопросъ отвѣтитъ намъ г. Гольмстремъ или же книжники-грамотеи армянскіе. Но и въ этомъ пока нѣтъ ничего особеннаго.

Вотъ еще болѣе убѣдительный примѣръ упоминанія всуе имени г. Никольскаго и того, какъ г. Гольмстремъ навязываетъ ему лжесвидѣтельство.

Удивляемся, какъ г. Никольскій не протестовалъ противъ подобнаго упоминанія своего почтеннаго имени. Это, впрочемъ, отчасти понятно: дѣловому человѣку некогда обращать вниманіе на то, кѣмъ и когда произносится имя его всуе. Къ сожалѣнію такая, ложная ссылка, на какую рискнулъ г. Гольмстремъ, влечетъ за собою неосновательное обвиненіе въ полномъ незнаніи, невѣжествѣ такого уважаемаго ученаго, какъ г. Ни-

⁸⁷⁾ См. „Древности восточныя“, стр. 377, ст. г. Никольскаго.

кольскій, дѣйствительнаго знатока своего языка, а не вертопраха, какъ армянскій ученый.

Тутъ осмѣяны сама наука и ея выгоды, опредѣленія, ея изслѣдованія—и чѣмъ же именоватъ? Именемъ и свидѣтельствомъ г. Никольскаго! Вотъ что непростительно, неприлично а не ложное упоминаніе имени челоѣка, хотя и за это нельзя похвалить. Поступаемъ самого г. Никольскаго и разсудимъ.

„Страна Урарту, по ассирійскимъ и вавилонскимъ источникамъ, была частью болѣе обширнаго племени, которое называется въ нихъ странами Наира.. Въ наукѣ пока не установлено твердаго понятія и точнаго наименованія этихъ народностей, но, по мнѣнію Ленормана и Гомеля, можно было бы ихъ назвать алародійцами“... „Если къ ней (нации алародійцевъ) не принадлежатъ нынѣшніе грузины, то ее слѣдуетъ считать совершенно исчезнувшей изъ среди нынѣшнихъ обитателей Малой Азіи и Закавказья. (См. „Трениности восточныя“ т. 1, стр. 389, ст. Никольскаго).

Очевидно, по мнѣнію г. Никольскаго, потомками урартійцевъ (они же алародійцы) слѣдуетъ признать нынѣшнихъ грузинъ, или же родственныхъ имъ народностей не существуетъ болѣе.

Въ чемъ же тутъ видно свидѣтельство г. Никольскаго, что урартійцы—армяне? Напротивъ, вышеприведенныя слова г. Никольскаго не являются-ли яснымъ и категорическимъ отрицаніемъ того, что такъ безсрочно навязываетъ ему г. Гольмстремъ, беззаботно сбывая его именемъ, какъ будто въ этомъ ничего нѣтъ дурнаго, предосудительнаго.?

Повторяемъ еще: грѣшно, непростительно навязывать, по своей прихоти, такому почтенному, осторож-

города; *Тамары*, близъ горъ Коссарин; *Ордубъ*, тамъ же, близъ Коссарин; *Ифдуръ Сах.ин*, *Чичакисъ-мта*, близъ горъ Кичоръ, *Эрджини-мта* въ Клавис, *Тоджирисъ-мта*, близъ горъ Сива, *Ацмурисъ-мта*, близъ горъ Милитопи, *Гаудрисъ-мта*, *Чхотали*, *Чи.юбисъ-мта*, *Ортаконсъ-мта*, близъ горъ Нигди, *Лартали* и *Деда-мта*, близъ Саро, *Кутали*, *Галимта* (по мингрельски буйволъ), *Чала*, *Тависъ-Кари* (*Тамисъ-Кари*), *Тавшони*, *Энгуры*, *Кари-Базари*, *Кизики*, г. на берегу Мраморнаго моря *Они*, на берегу Чернаго моря, *Памчилабисъ-мта*, *Жомура* (*Жамура*), *Каджтъ Кари*, *Небиани*, *Курдбелли*, *Товъ*, *Шависъ-мта*, *Атени*, *Геиріали-цхали* (въ каротъ ошибочно обозначено *Геиріали-сали*), *Телами*, *Балхорисъ-мтеби*, лежащія на границѣ Понта и Грузіи и имѣя называемыя „*Гурджи Богалъ*“ (грузинская стена). По словамъ Чубинова, самъ Ксенофонтъ повѣствуетъ, что „Транелондъ — городъ, построенный греками въ странѣ коллидцевъ“. Чубиновъ приводитъ также слова извѣстнаго Страбона, что Каппадокія была обиталищемъ одного родственнаго народа и что такъ какъ самъ Страбонъ былъ изъ горъ Амасси и мать его была чанка (мингрелка), то и слова его заслуживаютъ вѣры, какъ почти уроженца тѣхъ мѣстъ. Покойный Чубиновъ подтверждаетъ свидѣнія о Страбонѣ ссылкой на его же сочиненія. Этотъ же самый авторъ высказываетъ предположеніе, заслуживающее довѣрія и указывающее, что грузины были коренными жителями Каппадокіи. Святые отцы Іоаннъ Златоустинскій и двѣнадцать его учениковъ, пришедшіе въ Грузію для распространенія и утвержденія христіанства, были-де минидокійскіе грузины. Трудно повѣрять-де, чтобы они безъ знанія грузинскаго языка могли что либо сдѣлать и приобрести послѣдователей. Правда, этихъ святыхъ отцовъ называютъ сирійцами или месопотамцами (Тесіа: „Малая Азія“, стр. 650).

Самъ св. Георгій былъ-де каппадокіецъ и поэтому чтимъ всюю Грузією. Райноапостольница Нина была родственницею Георгію, — также каппадокіянка, следовательно, знала грузинскій языкъ, безъ знанія коого не могла бы проповѣдывать Христово ученіе и обратить грузинъ. Кто желаетъ еще большаго доказательства всего вышесказаннаго, пусть обратится къ сочиненію Д. Чубинова: „Этнографическое изслѣдованіе прежнихъ и настоящихъ коренныхъ обитателей Каппадокіи или Чанети“. („Извѣстія“, 1877 г., №№ 14, 15, 16 и 17). Статьи эта были напечатаны и порусски и самимъ авторомъ прочтена на одномъ изъ собраній петербургскихъ ученыхъ.

ному, солидному ученому ложь и разносить ее по бѣлу свѣту. Что побудило г. Гольмстрема непочтительно отнестись къ наукѣ и къ Никольскому?

„Камни-де вопіють!.. Камни-де не лгутъ“! Не камни вопіють, а вопіеть необауманный поступокъ г. Гольмстрема. Не камни лгутъ, а г. Гольмстремъ говоритъ неправду, бия себя въ грудь, какъ фарисей, играя на звонкихъ струнахъ якобы поруганной истины и проливая крокодиловы слезы за поправную правду. Комедія хороша на сценѣ, но когда передъ нами въ жизни видѣсто сердца сжигаютъ тряпку, надѣясь, что она сойдетъ подлѣ видомъ сердца,—подобная комедія только возмущаетъ душу. Г. Никольскій идетъ еще дальше, говоря, что величайшимъ и могущественнымъ народомъ въ Сиріи Малой Азіи, создавшимъ свою особенную культуру и явившимся мужественнымъ соперникомъ Египта и Сиріи, были кетты, принадлежавшіе къ алародійскому племени⁸⁹⁾, и что алародійцы, очевидно,—та же народность, что урартійцы—отъ слова „Урарта“ Араратъ, только буква *р* замѣнена буквою *л*. „Тобли“⁹⁰⁾—народъ, жившій въ Каппадокіи, очевидно,—родственное-де племя съ алародійцами⁹¹⁾.

⁸⁹⁾ См. „Древн. вост.“, т. I, стр. 389, ст. Никольскаго.

⁹⁰⁾ „Древн. восточ.“, гл. I, стр. 387, ст. Никольскаго.

⁹¹⁾ *Примечаніе* Что въ Каппадокіи когда то жили двѣствительно грузины и что эта страна принадлежала имъ, подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что и теперь въ мѣста, рѣки и горы, гдѣ была Каппадокія, носятъ грузинскія названія. Достоверные примѣры этого приводятъ поволимъ Чубиновъ, со словъ Киперта, Вивіена, Сентъ-Мартена, Тесіа, Гаджу-Холмаса—мусульманскаго писателя-географа Наиримъръ—*Тимети*, *Ухоруми*, посадь близъ гор. *Амасси*, родина Страбона, какъ ниже увидимъ; *Тавіа*, посадь близъ гор. *Кишоръ*, къ сѣверу, *Мужури*, къ югу отъ этого

Масперо также доказываетъ, что „хетты“ были родственны тубаламъ, извѣстными подъ именемъ мосоховъ, тубалы же и мосохи признаны за народъ грузинскаго племени. Страна хеттовъ, по словамъ Масперо, „лежала между двумя главными государствами древняго міра— Халдеей и Египтомъ, вслѣдствіе чего она сдѣлалась вскорѣ однимъ изъ богатѣйшихъ рынковъ Востока. Народъ этотъ обладалъ высокоразвитой цивилизаціей, имѣлъ свою литературу и процвѣтавшую промышленность. „Почти все, что мы знаемъ объ этомъ народѣ,—говоритъ Масперо—позимствовано изъ египетскихъ и ассирійскихъ источниковъ, такъ какъ памятники его очень малочислены и мало извѣстны. Надписи, начертанныя гіероглифическими письменами, совершенно отличными отъ египетскихъ, до сихъ поръ не поддаются усиліямъ ученыхъ, пытающихся разобрать ихъ“¹¹⁾).

Если только Никольскій и Масперо правы въ томъ, что хетты и грузины одно родственное племя,—то мы здѣсь немного пріостановимся, такъ какъ, быть можетъ, нѣтъ представителю другого случая говорить объ этомъ, что будетъ очень жаль, потому что о такомъ замѣчательномъ народѣ, каковымъ были хетты, до настоящаго времени не было свѣдѣній въ нашей литературѣ.

Хетты, или, какъ другіе называютъ ихъ, гитты, были многочисленнымъ, съ значительною культурою, народомъ, имѣвшимъ большое значеніе въ исторіи. Опасемся говорить о нихъ,—и опасемся потому, чтобы не дать гг. армянскимъ грамотеямъ-книжникамъ и

¹¹⁾ Масперо: „Исторія варол. древняго Востока“, стр. 178—179.

К° (амкару) слугилъ заимать чужое—вызати себя за хеттовъ и, такимъ образомъ, по обыкновенію, облещишись въ чужое, похвастаться предъ сѣтовъ: „что де кланы ми были“! Но такъ какъ „никто не уничтожаетъ своей баранты изъ боязни волковъ“, то и ми не зажмемъ себя рга.

Англійскій ученый Р. Андерсонъ говоритъ, что источникомъ европейской цивилизации служатъ цивилизація хеттовъ, или тѣхъ же гиттеевъ, и что Европа должна быть признательна имъ, „такъ какъ нѣтки греческой культуры значительнѣе гиттическихъ мифовъ и легендъ“. Во многихъ мѣстахъ Малой Азии человекъ наткнется на слѣды нѣтъ исчезнувшей, когда то блестящей культуры. Въ Фригии, въ Малой Азии, близъ р. Галиса, текущей на сѣверъ къ Черному морю, то сихъ поръ бросаются въ глаза развалины стѣнъ огромнаго гиттического дворца съ гигантскими кубическими глыбами камня. Дворцу къ нему охраняли высѣченные изъ камня львы; главный входъ закрывали массивныя гранитныя глыбы съ высѣченными на нихъ рельефными изображеніями сфинксовъ. Множество архитектурныхъ деталей отличаетъ подражаніе египетскому искусству; самое зданіе расположено, подобно вавилонскимъ дворцамъ, на искусственной земляной насыпи. Полагаютъ, что это былъ лѣтній дворецъ, куда удалялись цари Кодеша (столица хеттовъ), когда „жвучетъ“ солнце Сиріи слишкомъ „нагрѣвало долину Оронта“. Специалисты геральдики должны удивляться, что двуглавый орелъ Германіи, Россіи и Австріи произошелъ отъ исчезнуващаго искусства и символизма гиттеевъ. Несомнѣнно, что его изображеніе преобладаетъ на гиттическихъ памятникахъ; будучи „присво-

онъ позднѣе туркоманскими царями“, онъ былъ занесенъ крестоносцами въ Европу; такъ“ онъ сдѣлался эмблемою германскихъ императоровъ, отъ которыхъ перешелъ въ новѣйшія государства Россіи и Австріи“⁹²⁾.

„Нѣкоторые величайше люди древней Греціи, говоритъ Андерсонъ, произошли изъ Малой Азіи, какъ-то Гомеръ, Оддесъ, Пиндгоръ и Геродотъ. Кому при мысли о нихъ приходится на умъ эгейскіе города тотъ можетъ взглянуть еще глубже - въ культуру гиттитовъ или Хиты“⁹³⁾.

Андерсонъ, упоминая объ одномъ фактѣ⁹⁴⁾, продолжаетъ: „это ясно указываетъ, что Хита, страна гиттитовъ, была равною по положенію и могуществу съ самимъ Египтомъ“⁹⁵⁾.

Какъ Андерсонъ, такъ и Масперо восхваляютъ культуру, богатство, мужество и могущество хеттовъ.

Удивительно, какъ армянскіе ученые не обратили вниманія на такой похвальный отзывъ по адресу гиттитовъ (хеттовъ) и упустили его изъ виду. Должно быть, объ этомъ имъ не было извѣстно: иначе они не допустили бы подобной похвалы родственному грузинскому племени народу. Притомъ же имъ извѣстно, что грузины безпечны и что, по добротѣ сердечной, они не скажутъ: „Братья и друзья! мы знаемъ, что вы добры, знаемъ, что вы устраиваетесь тамъ, гдѣ чуете запахъ хлѣба, и, не спрашивая, кѣмъ онъ выпеченъ, преспокойно его ѣдите, лишь бы онъ былъ

⁹²⁾ Андерсонъ: „Истор. умершихъ цивилизацій вост.“. Русскій пер. 1898 г., стр. 65, 66.

⁹³⁾ Ibid., стр. 65 и 66.

⁹⁴⁾ О договорѣ Рамзеса съ великимъ царемъ гиттитовъ *Прим. перев.*

⁹⁵⁾ Ibid., стр. 62. *Прим. перев.*

вкусень. Но вѣдь и совѣсть имѣеть свою цѣнность, пора и честь знать: чего вы пристаёте къ намъ?! Предоставимъ каждому свое". Но что прикажете дѣлать? „Сердце человѣка завистливо, жадно и иснасытно".⁸⁶⁾

XI.

Мы уже видѣли, какъ тщетно г. Гольмстремъ сослался на г. Никольскаго, доказывающаго будто бы родство урартійцевъ съ армянами. Теперь сослался на того же Никольскаго, чтобы показать, какъ упорно прибѣгаютъ армянскіе книжники къ разнымъ продѣлкамъ и ухищреніямъ, чтобы заставить вопіющіе камни говорить угодное имъ, книжникамъ, и, такимъ образомъ, вставляютъ лгать даже ихъ. Подъ видомъ якобы вопіющихъ камней вопіютъ, собственно говоря, ихъ лживыя уста „отъ избытка ихъ сердечныхъ" вождельній.

По словамъ г. Никольскаго, армянскій епископъ Месропъ нащелъ нѣсколько клинообразныхъ надписей. Г. Никольскій по этому поводу говоритъ: „Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ г. Месропъ, тогда еще простой монахъ, вычитавъ изъ сочиненій мхитаристовъ, что тамъ, гдѣ въ настоящее время обитаютъ армяне, существуютъ клинообразныя надписи, пожелалъ собрать ихъ, полагая, что онѣ будутъ имѣть весьма близкое отношеніе къ древней исторіи Арменіи". По словамъ того же Никольскаго, г. Месропу повезло, но не въ ту сторону, на которую онъ рассчитывалъ. Онъ открылъ шесть или восемь надписей; снявши ихъ, онъ послалъ

⁸⁶⁾ Груз. погов. „ბებლი კბუღი იო კაცისა, ხარბი და გაუჭლი-
ბელი" Прим. перес.

ихъ ученымъ, знатокамъ этого дѣла, именно Моратмону, Сэбсу и Мюттеру. Передатчикомъ и посредникомъ былъ профессоръ Паткановъ, полагавшій, что эти надписи— историческіе памятники армянства; и, конечно, отъ этой радости пришедшій въ телячій восторгъ. Вносія въ дѣло оказались, говорить г. Никольскій, что тѣ клинообразныя надписи написаны на языкѣ, неимѣющемъ ничего общаго съ армянскимъ ³⁰⁹.

Нечего и говорить, что извѣстіе это ошорошило какъ г. Месропа, такъ и г. Патканова. Необходимо знать, что большая часть найденныхъ г. Месропомъ надписей открыта къ сѣверо-западу въ 25 верстахъ отъ Эчмиадзина. Тамъ есть одинъ холмъ, называемый „Бури“, у холма этого находятся какія то древнія развалины, армяне давно зрятея на нихъ и говорятъ, что именно тамъ была ихъ столица— какой то мионическій „Армавиръ“. Любопытныя ученые добрались и до этихъ мѣстъ. Стали производить раскопки подъ руководствомъ гр. Уварова, осматривали развалины, старались и такъ и сякъ,— работы производились въ продолженіе семи дней,—но не нашли ничего утѣшительнаго и радостнаго для армянъ. Г. Месропъ и г. Паткановъ, разумѣется, начали спорить и заявили претензію, что дурно, молъ, производились раскопки, и вновь потребовали изслѣдованія тѣхъ мѣстъ.

Такую настойчивость,—говоритъ г. Никольскій,— можно объяснить только ошибочнымъ мнѣніемъ о характерѣ и происхожденіи надписей и понятнымъ со стороны армянскихъ ученыхъ увлеченіемъ мыслью най-

³⁰⁹) Г. Никольскій. „Древн. Восточн.“ Т. I, стр. 378, 381

ти древнюю столицу Арменіи". (См. «Древности Восточ.», Т. I., стр. 380).

Видно, неотъемлемое качество армянских ученых добиваться цѣли своимъ путемъ упрямстаа. Видно, что, настаивая на своемъ, они стараются замалчивать все, что не входитъ въ ихъ расчеты, хотя бы это было неопровержимой истиной. Г. Никольскій объясняетъ ихъ упорство «ошибочнымъ мнѣніемъ ихъ и понятнымъ со стороны армянскихъ ученыхъ увлеченіемъ», очевидно, не желая, изъ приличія и сдержанности, сказать большаго и назвать поступокъ ихъ настоящимъ именемъ.

Въ числѣ надписей, найденныхъ г. Месропомъ, по словамъ г. Никольскаго, есть одна, обозначенная подь № XV и найденная вблизи мѣстности, называемой «Захалу». Снимокъ съ этой надписи былъ помѣщенъ въ газетѣ «Араратъ», издававшейся въ Эчмиадзинѣ. По поводу этой надписи г. Никольскій пишетъ что «снимокъ съ нея (съ захалусской надписи), помѣщенный въ «Араратъ», представляетъ текстъ въ такомъ изуродованномъ видѣ, что знаки даже почти не напоминаютъ знаковъ ванскаго письма. Можно догадываться, что снимавшій надпись намеренно хотѣлъ придать знакамъ сходство по формѣ со знаками персидскихъ надписей Ахаменидовъ, воображая, что онѣ одинаковаго или родственнаго происхожденія» (тамъ же, стр. 380).

Подобному художеству, фальсификаціи не можетъ быть чужды тотъ, кто вынимаетъ камни изъ древнихъ монастырей или соскабливаетъ грузинскія надписи и замѣняетъ ихъ армянскими, или же воруетъ камни эти и чортъ знаетъ куда ихъ

забрасываетъ. Спрашивается, какая выгода была искажать, переименовывать вышеупомянутую надпись? Фиглярство, фальсификація, подлогъ, правда, требуютъ большого умѣнія, продолжительныхъ упражненій :: вѣкотораго рода смѣлости, но, однако, все это не такое заслуживающее похвалы и славы занятіе, чтобы прельститься имъ, или, лучше сказать, позволить себѣ заниматься подобными художествами только изъ любви къ искусству. Слѣдовательно, спросимъ: зачѣмъ понадобилось придать древнимъ надписямъ ассирійской эпохи характеръ надписи эпохи Ахаменидовъ, какъ это видно изъ словъ г. Никольскаго? А вотъ какой интересъ можно предположить: изъ предыдущихъ строкъ мы знаемъ, какое важное значеніе для истиннаго ученаго имѣетъ то обстоятельство, что ванскія надписи относятся къ до-ахаменидской эпохѣ, а армяне лишь во время Ахаменидовъ появились въ Арменію, до того же ихъ тамъ не было,—и вотъ почему армянскіе ученые стараются доказать, что надписи относятся не къ эпохѣ ассирійской, а къ эпохѣ Ахаменидовъ. Если бы эти надписи относились къ ассирійской эпохѣ, т. е. къ тому времени, когда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти надписи найдены, не было помину объ армянахъ, с не такъ легко могли присвоить ихъ—не могли бы утверждать, что въ нихъ повѣствуется ихъ исторія. А если бы онѣ оказались принадлежащими къ эпохѣ Ахаменидовъ, тогда они легко могли бы соткать изъ фальсификаціи паутину для присвоенія чужого имени и исторіи, и никто не могъ бы возразить имъ: „вѣсь еще не было, когда появились эти надписи“.

Развѣ эти продѣлки, эта фальсификація не то же самое, что сказали объ армянскихъ ученыхъ Д. Баградзе, Илья Серебряковъ, Ленорманъ, Раулинсонъ, Никольскій или не то, что мы говоримъ въ настоящей статьѣ?! Послѣ всего этого развѣ не ясно, что такіе ученые, какъ Паткановъ, философы, какъ Арцруни и разные Эзовы, Худабашовы и весь ихъ цехъ, ничѣмъ не брезгаютъ, лишь бы свое черное обѣлить, а наше бѣлое очернить, систра по тому, чего имъ хочется, что нужно имъ въ извѣстное время. Если бы только мы, грузины, говорили объ этой чертѣ армянскихъ ученыхъ, можно было бы думать, что вражда, зависть диктуютъ намъ подобныя мнѣнія. Но Ленорманъ, Раулинсонъ, г. Никольскій—не родня, не кумовья наши, чтобы ихъ заподозрить въ пристрастномъ сужденіи.

Г. Гольмстремъ, къ сожалѣнію нашему, тоже дуетъ въ одну дудочку съ этими учеными армянами и, заставляя „вопіющіе“ за насъ, грузинъ, камни вопіять за армячъ, бьетъ въ набатъ и восклицаетъ: „И камни возопіютъ!. Камни не лгутъ!“. Не „камни“ здѣсь „лгутъ“,—они правду говорятъ,—„вопіютъ же и лгутъ“ жонглирующіе армянскіе мудрецы или мудрствующіе жонглеры, въ родѣ Эзовъ и ихъ подобныхъ. Это какая то особенная группа, которая какъ будто условилась надувать свѣтъ: лисицу, шакала превращать въ льва, льва—въ кошку и, подобно обшпанной курицѣ-наседкѣ, выводитъ цыплятъ въ бывшемъ пгѣздѣ орловъ.

ХІІ.

Честь и слава г. Гольмстрему, выказывающему сердоболіе относительно армянъ, какъ угнетенной и

преслѣдуемой маши, открыто и безбоязненно говоря-
шему о нихъ. Но вѣдь и мы не такъ безсердечны,
чтобы не сочувствовать чужимъ страданіямъ, не со-
знавать всего ужаса избіенія, разрушенія и разоренія и
не понимать цѣли человѣка, принимающаго участіе въ
судьбѣ несчастныхъ и подающаго если не руку помо-
щи, то, по крайней мѣрѣ, голосъ утѣшенія, любви.
И мы знаемъ, что лишь искреннее утѣшеніе, исходя-
щее изъ чистаго сердца, лишь истинная любовь со-
ставляютъ ту высшую благодать, которая возноситъ
человѣка въ горнюю высь, гдѣ ангелы славословятъ
Бога. Сожалѣемъ, что обстоятельства и интересы исти-
ны вынудили насъ поставить г. Гольмстрема въ ряду
армянскихъ ученыхъ, откровенно высказаться о воль-
ныхъ и невольныхъ его промахахъ и выразить по
этому поводу наше удивленіе. Желательно было-бы
знать, что побудило его написать такую исторію, до-
стойную лишь армянскихъ философовъ и Деллинге-
ронъ и которая стряпается лишь въ кухнѣ этихъ по-
слѣднихъ. Удивляемся: если г. Гольмстремъ не озна-
комился съ произведеніемъ Никольскаго, указаннымъ
нами выше въ нашихъ примѣчаніяхъ, то сочиненіе
Анучина несомнѣнно ему должно быть знакомо, такъ
какъ, по его словамъ, Анучинъ противникъ теоріи,
считающей урартійцевъ предками армянъ; по мнѣнію
г. Гольмстрема, это доказываетъ безпристрастіе Ану-
чина, за что онъ и похваляется его. Тутъ представ-
ляются два поразительныхъ обстоятельства. Одно со-
стоитъ въ томъ, что на свѣтѣ якобы существуетъ те-
орія, доказывающая родство армянъ съ урартійцами.
Если подобной теоріи нѣтъ, то какой смыслъ въ увѣ-
реніи г. Гольмстрема, что г. Анучинъ противникъ этой

теорія? Г. Гольмстремъ ошибается въ существованіи подобной теоріи: такой теоріи нѣтъ, и какиѣ же образомъ г. Анучинъ можетъ быть противникомъ несуществующей теоріи? Г. Анучинъ не досужій же человекъ, подобно армянскимъ грамотеямъ-ученымъ, чтобы воевать съ вѣтранными мельницами! Повторяемъ, въ настоящес^{твѣ} ~~время во всемъ свѣтѣ~~ съ фонаремъ не сыщешь истиннаго ученаго, — исключая такихъ доморощенныхъ ученыхъ, какъ какіе то Эзовъ и К^о, — который придерживался бы теоріи родственной связи урартійцевъ съ армянами. Да и господа Эзовъ и К^о наврядъ-ли сами рѣшатся пикнуть объ этой теоріи, — развѣ только съ цѣлью одурачить „друга“, чтобы за гѣмъ чужими руками жаръ загребать, а самимъ благо-разумно спрятаться въ норѣ. На это они мастера! Если г. Анучинъ и отрицаетъ происхожденіе армянъ отъ урартійцевъ, то не въ опроверженіе кого либо, а въ подтвержденіе мнѣнія изслѣдовавшихъ это обстоятельство. Приглашаемъ г. Гольмстрема назвать хо-тя бы одного дѣйствительно ученаго, — будь онъ европеецъ или русскій, — какъ сторонника той теоріи, съ которой якобы г. Анучинъ несогласенъ и о которой лишь одинъ г. Гольмстремъ, — да, лишь одинъ г. Гольмстремъ, — такъ необдуманно гремитъ и никто больше. Если бы даже эти двѣ противорѣчашія другъ-д^{ругу} теоріи и существовали, то что это за признакъ безпристрастія, за которое г. Гольмстремъ восхваляетъ г. Анучина? Кажется, тутъ будетъ уместно сказать: „рѣчь твоя обличаетъ тебя“ ⁹⁰). Другое обстоятельство заключается въ томъ, что г. Гольмстремъ такъ подроб-

⁹⁰) Матвей, глав. 26, ст. 73. *Прим. перс.*

ко приводитъ свидѣтельство г. Никольскаго, въ подтвержденіе приводимыхъ имъ данныхъ о родственности будто бы урартійцевъ и армянъ, а объ Анучинѣ говоритъ два-три слова, и то какъ то глухо,—онъ-де противникъ этой теоріи. Онъ не обратилъ вниманія на то, что г. Анучинъ и антропологическими данными доказываетъ, что армяне послѣ уже пришли въ Арменію, въ прежнюю страну Урарту. ⁹⁹⁾ Кромѣ того тотъ же Анучинъ свидѣлствуетъ, что армянамъ удалось занять ту страну послѣ долгой и упорной борьбы съ урартійцами. Есть, по его словамъ, нѣкоторыя основанія, въ силу которыхъ мы можемъ полагать, что урартійцы, или понтійскіе халды ¹⁰⁰⁾, были праподичами грузинъ. Вотъ подлинныя слова Анучина: „Такимъ образомъ, армянамъ удалось занять страну лишь послѣ долгой и упорной борьбы съ племенемъ Урарту или понтійскими халдами,—племенемъ, языкъ котораго еще не выясненъ, но есть нѣкоторыя основанія предполагать въ нихъ праподичей картвельскаго или грузинскаго племени“ (см. „Брат. пом. арм.“, стр. 361, 2-е изд.).

Милый онъ человѣкъ, г. Гольмстремъ! Если онъ такъ пространно рассказывалъ намъ объ армянствѣ урартійцевъ, и притомъ бездоказательно,—сбиолвился бы объ насъ хоть однимъ словомъ, даже такъ же коротко, какъ имъ приводятся слова г. Анучина; хотя бы даже намекомъ упомянулъ о происхожденіи грузинъ отъ урартійцевъ. Кто былъ бы за это на не-

⁹⁹⁾ См. „Братская помощь армянамъ“, стр. 358, изд. 2-е.

¹⁰⁰⁾ Какъ походить другъ на друга: Калди и Картав! Какое созвучіе!

го въ претензіи?! Если свидѣтельство г. Никольскаго, притомъ всецѣло, съ начала до конца персониченное, необходимо было для обаряненія урартійцевъ, почему же онъ забылъ, замолчалъ такъ или иначе доказанное г. Анучинымъ происхожденіе грузинъ отъ урартійцевъ?! Само собою разумѣется, дѣло самого Гольстрема,—гдѣ, что и какъ сказать, мы же скажемъ только: чудны дѣла твои, Господи!

Положимъ, пусть урартійцы не были ариями,—изволить говорить г. Гольстремъ,—въ данномъ случаѣ это никакого значенія не имѣетъ. Вотъ те и на! для чего же было вамъ, г. Гольстремъ, въ такомъ случаѣ беспокоить гг. Никольскаго и Анучина, почти весь фельетонъ посвящать доказательствамъ происхожденія ариянъ отъ урартійцевъ и впутывать рассказъ о событіяхъ, случившихся шпіиш за 2700—2800 лѣтъ, и рассказомъ этимъ доказывать намъ духовную и физическую мощь, мужество нынѣшнихъ ариянъ, какъ потомковъ славныхъ урартійцевъ?! Для чего же было вопіять г. Гольстрему: „Чтобы найти истину въ этомъ (армянскомъ) вопросѣ, не заправленную, не подкрашенную политиками, нужно обратить свой взоръ къ сѣдой древности, къ археологамъ, къ ученымъ путешественникамъ.“¹⁰¹⁾ Слѣдовательно, всѣ эти слова были пущены на вѣтеръ! Какъ мнѣ жаль васъ, слова! Удивительно, что говоритъ это г. Гольстремъ, т. е. та личность, которая „не обратила своего взора ни къ сѣдой древности, ни къ археологамъ, ни къ ученымъ путешественникамъ“, ни даже на тѣ самыя

¹⁰¹⁾ См. „Петербург. Вѣдомости“ 1891 г., № 33, фельетонъ „И камни возопіють“

вославному завѣтанію^а—неправда, потому что отъ вѣроисповѣданія, носящаго это названіе, и, слѣдовательно, отъ завѣтовъ его армяне отказались еще въ VI столѣтіи, и съ тѣхъ поръ они отдѣлялись отъ православія. Какое отношеніе между вѣроисповѣданіемъ армянъ и тѣмъ, которое вообще въ Россіи и русской литературѣ въ частности именуется православіемъ!? Разумѣется, армяне тоже христіане, и нельзя отказывать имъ въ большихъ заслугахъ предъ христіанствомъ. Они много жертвъ принесли христіанству, много крови пролито ими, и не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что они жертвовали христіанству почти всею своею исторіею, царствомъ, отчизною, родиною и этимъ дѣйствительно, къ чести своей, сохранили свою вѣру, языкъ, что и помогло имъ сохранить народность. Ни исторія, ни человѣчество не забудутъ заслугъ армянъ и жертвъ, принесенныхъ ими христіанству. Поэтому, если бы г. Гольмстремъ упомянулъ объ этой великой заслугѣ армянъ предъ всѣмъ вообще христіанствомъ, онъ былъ бы правъ; но разъ онъ вклянулъ туда „правословіе“, то разсмѣшитъ и ребенка утвержденіемъ, что армяне были непоколебимо преданы чужому вѣроисповѣданію и, слѣдовательно, неустойчивы въ своемъ собственномъ. Религія—истина сердца, и она въ двойномъ видѣ не можетъ зачатъ въ одномъ и томъ же сердцѣ. Немыслима какъ двуличная истина, такъ и двуличная вѣра. Она или единственна въ одномъ и томъ же сердцѣ, или ея вовсе нѣтъ. Вѣра—узелъ, который находится въ духовной области челоуѣка и не можетъ имѣть два глаза и два сердца, чтобы, въ одно и то же время, служить „и нашимъ, и вашимъ“. Она имѣетъ одинъ глазъ и

камни, которые, по его словамъ, „вопіють“! „Еще о многихъ, многомъ вопіють найденные въ Арменіи камни“,—говоритъ съ большимъ пафосомъ г. Гольмстремъ. Совершенно вѣрно, о многомъ они вопіють, но жаль, что вопль ихъ пришлось слушать лицамъ, уши которыхъ заложены ватой! Эти камни о многомъ вопіють, но совершенно о діаметрально противоположномъ тому, о чемъ г. Гольмстремъ ратуетъ въ „С.-Петербур. Вѣд.“,—обармяненію урартійцевъ. Вновь приглашаемъ г. Гольмстрема: если мы не правы, пусть онъ укажетъ на одинъ фактъ, на одного истинно ученаго, на одинъ вопіющій камень,—тогда мы сложимъ оружіе свое у ногъ г. Гольмстрема, склонимъ выю свою предъ нимъ и публично покаемся въ своей ошибкѣ. Мысль о возвеличеніи армянъ такъ увлекла г. Гольмстрема, что онъ счелъ возможнымъ сказать даже слѣдующее: „Этотъ народъ (армянскій) въ теченіе многихъ вѣковъ доказалъ непоколебимую преданность христіанскимъ православнымъ завѣтамъ.“ 102)

Нечего и говорить, что всякій народъ считаетъ свою вѣру православною (правою) и никто не можетъ этого оспаривать. Религія—дѣло совѣсти, вѣри, и въ немъ всякій свободенъ и неприкосновененъ. Но и ребенку извѣстно, что армяне—нигоріанскаго вѣроисповѣданія и совѣсьи не принадлежать къ той религіи, которая извѣстна вообще въ Россіи и въ частности въ русской литературѣ подъ именемъ православной. Слѣдовательно, слова г. Гольмстрема, что „армяне доказали непоколебимую преданность христіанскимъ пра-

102) См. его фельетонъ „И камни возопіють“, „Пет. Вѣд.“ 1899, г. № 33

одно сердце; если можно такъ выразиться, она не дѣлать надвое человѣческаго сердца, чтобы и одно считать православнымъ, и другое и съ одинаковымъ благоговѣніемъ относиться какъ къ одному, такъ и къ другому исповѣданію. Поэтому непоколебимая преданность чужой религіи есть неустойчивость, отрицаніе своей. Самоотверженно преданные одной религіи не могутъ быть, въ одно и то же время, самоотверженно преданы другой, и притомъ съ непоколебимой преданностью, какъ это полагаетъ г. Гольмстремъ. Человѣкъ непоколебимо вѣренъ только той религіи, которую исповѣдуетъ и носить въ своемъ сердцѣ, иначе вѣра—не вѣра, а одежда, которую человѣкъ по желанію мѣняетъ. Поэтому мы не думаемъ, чтобы вѣрующіе армяне считали этотъ похвальный отзывъ г. Гольмстрема для себя лестнымъ. Въ чемъ хотите можно обвинить армянъ, но не въ измѣнѣ своей религіи. Напротивъ, къ чести своей, они хорошо знаютъ цѣну своей религіи, и потому бодро несли яро всякихъ бѣдствій и страданій.

Въ заключеніе мы должны спросить слѣдующее: что принудило г. Гольмстрема мучить несчастные камни, беспокоить уважаемыхъ ученыхъ и къ чорту отправить самую исторію? Мы этого не знаемъ и не имѣемъ особеннаго желанія знать, но насъ удивляетъ и поражаетъ въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что и здѣсь сказалась та программа, которая какъ бы привилась, по закону наслѣдственности, армянскимъ ученымъ: у армянъ даже вата должна грохотать, а у грузинъ и орѣхъ не долженъ шумѣть (108).

108) Груз. посл. *Примѣч. перес.*

Будемъ-де трубить о себѣ! Вотъ и трубятъ! Протяните-ка нить отъ Сенковскаго до г. Гольмстрема, прослѣдите, и вы увидите, что въ продолженіе этого шестидесятилѣтняго періода всѣ армянскіе книжники держатся этой нити, проводятъ одну и ту же программу съ удивительнымъ единодушіемъ и единомысліемъ. Хватаются они за эту программу и зубачи, и руками, и ногами, и всѣмъ своимъ существомъ. Развѣ не ясно, что они хотятъ показать всему свѣту, что лучше, устойчивѣе, способнѣе армянь никого нѣтъ въ Малой Азіи, въ особенности въ Закавказьѣ. Правда, въ Закавказьѣ водятся-де какія то враги (ю), и болѣе или менѣе поминаетъ кой-кто и о нихъ, но мы-де ихъ такъ скрутимъ, такъ оскандалимъ ихъ имя, что и слѣда отъ нихъ не останется. Если у нихъ найдется исторія, опорочимъ ее или присвоимъ ее себѣ, если у нихъ есть территорія, то лишимъ ее и правдой и неправдой увѣримъ свѣтъ, что грузины на пути къ вырожденію и что не сегодня—завтра или поголовно вырутъ, или обариянятся.

Въ ругани этой, разумѣется, г. Гольмстремъ не принималъ никакого участія, и мы благодарны ему за то, что онъ, пожалѣвъ насъ, воздержался отъ поряцанія насъ и не заклалъ насъ на жертвенникъ вождѣлѣній, по примѣру армянскихъ книжниковъ; но чрезвычайно трудно выносить этихъ Худабашовыхъ, Паткановыхъ, Кишмишевыхъ, Эзовыхъ; Арцруни и вообще ту группу армянь, которой да поможетъ Богъ восхвалять себя сколько ей угодно, но которой, извините, мы не дадимся на поруганіе и поношеніе, и,

ю) Такъ армяне называютъ грузинъ. *Прим. перевод.*

здѣмся, всякій благоразумный армянинъ будетъ намъ сочувствовать въ этомъ. Вотъ тутъ и есть начало и конецъ, альфа и омега того жгучаго разлада, съ такими рвеніемъ посѣяннаго среди насъ невѣждами-грамотеями и вооружившаго грузинъ и армянъ другъ противъ друга. Именно эти, и только эти—невѣжды, болтуны-философы нарушили добрия отношенія между грузинами и армянами и обратно, иначе почему же за пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ назадъ не существовало такой неприязни между нами! Мы не чуждались другъ друга, хотя по происхожденію и по вѣроисповѣданію различны, но ненависть изъ за-грузинства или армянства не имѣла мѣста среди насъ, къ нашему общему счастью и чести, а если нѣтъ единство пошатнулось, нужно приписать это малодушію, невѣжеству, бездѣльничеству и продѣлкамъ армянскихъ грамотеевъ-ученыхъ. Достаточно одного Эзова, чтобы уstrasиться самого себя и съ отчаяніемъ воскликнуть: ужели человѣкъ дѣйствительно образъ и подобіе Божіе? Пусть Господь Богъ взыщетъ съ каждаго за грѣхи его и проститъ, если только такой поступокъ можетъ быть прощенъ.

Но мы не жалѣемъ ничего для армянъ. Мы отлично знаемъ, что прежнее безиліе Грузіи началось съ того несчастнаго дня, когда пала Арменія—этотъ прежній нашъ оплотъ, стѣна со стороны юга. Мы оберегали армянъ со стороны сѣвера, а они насъ со стороны юга. Послѣ того какъ Вахтангъ Горгъ-Аславъ обезпечилъ тогдашнюю Грузію съ сѣвера, вся ваша исторія и заботы были направлены на укрѣпленіе Грузи съ юга. И пока Арменія существовала, татары прежде всего должны были пройти ее, чтобы вторгнуться въ

Грузію. Поэтому-то величайшіе наши цари и государственные люди ничего не жалѣли, чтобы въ случаѣ нужды почочь ар. знамъ. Къ сожалѣнію, и некоторые наши цари не понимали, какое важное значеніе имѣло для Грузіи существованіе Арменіи. Не стало Арменіи, и ворота со стороны юга остались открытыми для вторженія враговъ въ Грузію. Хотя послѣ паденія Арменіи мы выдержали почти семь вѣковъ борьбу съ врагами въ тысячу разъ сильнѣе насъ, но всю историческую жизнь нашу погубили на замыканіе южныхъ вратъ. Обезсиленная и уставшая Грузія врату не сдалась, но обратила взоры свои къ другу и отдалась подъ покровительство Великой Россійской Имперіи. Развѣ для насъ желательное разсѣянiе армянъ?! Да дастъ имъ Господь Богъ силу и уміи сплотиться всѣмъ вмѣстѣ тамъ, откуда они ушли и разсѣялись. Но пусть не домогаются, не пытаются лишить насъ нашего и униженіемъ нашего имени не стараются возвеличить и прославить свое.

Многихъ ли мы владѣли или малыхъ, но дали вамъ убѣжище, пріютили васъ и побратались съ вами. Не обращайтесь же съ нами, у насъ же дома, какъ враги! „Предисчитательнѣе имѣть льва, лежащаго на пути, чѣмъ врага, обитающаго въ вашемъ домѣ“ (106). Такъ грузины встарину говорили, такъ говоримъ мы, такъ же скажетъ и всякій благоразумный армянинъ.

— 00 —
К О Н Е Ц Ъ.
— 00 —